

Оливия Уинтерн

КНИГА ВТОРАЯ

ВЕДЬМА
с серебряной
меткой

18+

Оливия Штерн

Ведьма с серебряной меткой. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40526505

SelfPub; 2019

Аннотация

Дани осталась одна. Без крыши над головой, без денег, без еды и одежды. Вдова верховного инквизитора, которую уже разыскивают агенты Его Величества. Чем закончится противостояние ведьмы и короля? Сможет ли она сделать правильный выбор? И какой выбор сделает тот, кто осмелится любить ее саму, невзирая ни на что? Заключительная часть дилогии.

Содержание

Глава 1. Хозяйка	5
Глава 2. Его Величество Ксеон	30
Глава 4. Сердце госпожи	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://shutterstock.com/> по лицензии ССО.

Глава 1. Хозяйка

Только оказавшись на приличном расстоянии от особняка, Дани поняла, какую глупость совершила.

Совершенно одна. Зимой и без теплой одежды, в одном платье из тонкой шерсти, на ногах изящные туфельки, которые хороши на паркете, но никак не на обледеневшей мостовой. Без еды, без денег.

Она остановилась посреди пустой улицы. Волна механоидов, что в одночасье накрыла город, так же быстро схлынула, оставив после себя лишь ледяное крошево на земле и окровавленные, разорванные тела тех, кто не успел спрятаться. От одного вида растерзанных мертвецов к горлу подкатывала тошнота, а внутри все болезненно сжималось, царапалось, словно железными шипами.

Может быть, вернуться в особняк?

Ньями, конечно, будет проклинать, но Кио не поддерживает мать, а Кио – последний оставшийся мужчина в этом доме, к тому же, наверное, еще и приходится Аламару братом по отцу...

Дани еще раз растерянно огляделась.

Пусто. Страшная тишина. Тот звук, отсчитывающий мерные удары чудовищного сердца, угас и больше не повторялся. Под ногами ломаный лед, щедр сбрызнутый алым. Стены каменных домов исчерканы, исцарапаны металлически-

ми когтями. И лишь надсадно скрипит перекошенная ставня, играя на ветру.

– Что ты сделал с городом, Ксеон? – ошеломленно прошептала Дани, – чем они все виноваты перед тобой? Почему наказываешь всех?

И вновь перед глазами чистое, светлое лицо проклятого принца, который так не похож на своего отца. Но если раньше он казался Дани невыносимо прекрасным, то теперь сквозь идеальные черты проглянуло нечто страшное, темное, чудовищное. Ей вдруг представилось, что он тянется к ней своими руками, а под ногтями – бордовые ободки засохшей крови.

Отвращение было настолько сильным, что Дани согнуло пополам в жесточайшем приступе тошноты. Она едва не задохнулась, пока ее рвало прямо на мостовую, а спазмы внутри все не прекращались и не прекращались.

Потом она, пошатываясь, добрела до ближайшего дома, оперлась руками о стену и долго старалась отдышаться, хватая ртом холодный, с металлическим привкусом, воздух.

Надо было что-то предпринимать, но силы стремительно утекали. Хотелось просто лечь на дорогу, закрыть глаза и перестать существовать.

«Вот она, цена твоей глупости, – думала она, – жизнь Аламара. Жизни всех этих несчастных людей, которым просто не посчастливилось встретить механоидов».

Дани сморгнула набежавшие слезы.

Аламар...

Она не успела полюбить этого человека, но почему-то не могла принять его смерть. У Дани было стойкое ощущение, что верховный инквизитор где-то рядом, и что вот-вот коснется ее щеки. «Не плачь, маленькая».

– Это я во всем виновата, – пробормотала она, – прости меня. Прости...

А потом заставила себя поднять голову. Огляделась еще раз. Как ни странно, мысли постепенно прояснились. Божественный ореол вокруг принца Ксеона померк окончательно, как будто пелену с глаз сдернули.

«Какая же ты сволочь, – подумала Дани, – ты использовал меня. Ты заставил меня влюбиться без памяти, а потом просто использовал, зная, что я должна умереть. И ты убил всех этих людей... Просто так. Потому что они для тебя – ничто, точно так же, как и я...»

Отлепившись от стены, пошатываясь от слабости, Дани побрела дальше по улице. Сознание помимо воли отмечало раны, оставленные городу бессмертной армией. И внезапно она поняла, что нужно делать: чудовище, возвращенное собственным отцом, должно быть уничтожено.

Она еще не знала, как именно это сделает.

Но ей показалось, что где-то на задворках сознания шевельнулась тень, выдающая присутствие Аламара. Он одобрял такой ход ее мыслей, и Дани взбодрилась.

«Только не уходи окончательно. Мне так важно, чтобы

хоть кто-то был рядом со мной. Пусть даже ты – всего лишь воспоминание».

Она медленно, спотыкаясь, шла вперед, к площади Вершителёв, где ждал её дом тётки Женевьевы и где скалились на прохожих каменные горгульи.

В последний раз она была здесь с ним. Горло сжалось, и глаза предательски защищало. Тогда Аламар воспользовался инквизиторской отмычкой, чтобы попасть внутрь.

Дани остановилась перед ажурной калиткой, увитой чугунными розами, легонько толкнула её – ну конечно же, заперто. Усмехнулась горько: будет в высшей степени обидно замерзнуть на пороге собственного, считай, дома. Ведь в особняке, в рабочем кабинете, остались документы на владение и, возможно, ключи. Похоже, у неё совершенно не осталось выбора, и придется снова идти, замерзая, выпрашивать у Ньями дозволения забрать то, что принадлежит теперь ей по праву...

«А она ещё и дверь не откроет, с неё станется».

Ледяными волнами накатывало отчаяние. Дом, даже нетопленный, даже пустой и заброшенный – все равно крыша над головой, все равно защищает от ветра. А на улице она точно сгинет, замерзнет, или станет добычей тех, кто промышляет по ночам. Всхлипнув, Дани ещё раз толкнулась в калитку. Запирающие артефакты пыхнули зловещим зеленым пламенем, и руки как будто обожгло. Дани потеряла ла-

дони, отступила на шаг. Еще не хватало быть убитой этими охранными магическими штуками!

«Аламар говорил, что я дала дому жизнь. Но что мне с этим делать?»

Она подышала на онемевшие пальцы, посмотрела на темный фасад.

«Может быть, и не нужен мне этот старый теткин дом?»

Можно ведь пойти туда, где обычно собирались помойные крысы. А вдруг ее старые приятели еще живы?

Дани поморщилась. Нет, не стоит. Даже если кто-то из них и уцелел, они увидят ее красивое платье, увидят тонкую серебряную цепочку на шее с изящным кулоном и тогда либо попросту разденут и бросят умирать на морозе, либо избьют так, что и сил жить больше не останется. А ведь ей нужно жить, хотя бы для того, чтобы рано или поздно добраться до принца-чудовища...

«Да ты как та лиса и виноград, – усмехнулась она, – и думать забудь про улицу. Этот дом тебе нужен. К тому же, теперь он твой».

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто не наблюдает за ней, Дани еще раз положила руки на решетку калитки, закрыла глаза. Если Аламар что-то ей говорил, то ведь это он не просто так. Верховный инквизитор, может, и был слегка не в себе, но по большей части рассуждал здраво, в этом Данивьен убедилась на ужине у короля Маттиаса.

– Дом, – одними губами позвала она, впиваясь пальцами

в холодное чугунное литье.

Она изо всех сил пыталась почувствовать, открыться всему тому, что было вне ее.

Неученая, дикая ведьма.

В ответ – пустота и тишина.

Дани едва не разрыдалась от отчаяния. Нет, конечно же, всегда есть шанс, что помойные крысы отнесутся с пониманием к ее сложному положению. Но путь от помойки к принцу – непреодолимо далекий.

И она попробовала еще раз, мысленно вызывая в памяти образ кокона из цветных ниток.

Они никуда не делись, эти странные нитки, сплетенные невиданным узором. И Дани показалось, что стало тепло, и где-то в груди даже горячо, как будто маленькое солнце раскинуло ласковые лучики. Она еще раз попыталась почувствовать дом, уже сомневаясь – а вдруг Аламар ошибся? – но вдруг что-то мягко толкнуло ее, невесомо, бестелесно.

– Домик, – пробормотала Дани.

Ей представилось, что она, как улитка, выползает из пестрого плетеного панциря, а навстречу – свет, мягкий, завораживающий. И снова теплая волна, теперь уже исполненная любви и светлой грусти.

– Пусти меня, если это ты, пожалуйста, – прошептала она, – и прости... Меня не было так долго...

Что-то звякнуло. Висок ожгло едкой болью, и Дани вывалилась из мягкого света в серый день. Схватила за голову –

на пальцах осталась кровь. А запирающие печати, теперь уже потемневшие, словно потухшие угли, осыпались под ноги.

«Так вот чем меня задело», – поняла она.

И вновь толкнула калитку, которая на сей раз поддавалась с легким скрипом. Дани скользнула внутрь, прошла к входу.

– Здравствуйте, горгульи, – сказала учтиво и сделала книксен.

Теплая волна накрыла с головой, обняла, закутала в светлое чувство любви.

Перед высокими дверями Дани остановилась, осмотрела их. Запирающие артефакты и здесь сорвало, они осколками валялись на крыльце.

Глубоко вдохнув, Дани приоткрыла тяжелые створки и скользнула внутрь.

– Спасибо тебе, домик.

И всхлипнула. Воспоминания отзывались едкой болью в сердце. Снова хотелось свернуться клубочком, закрыть глаза и парить в небытии. И снова где-то на уровне восприятия она почувствовала Аламара. Легкая тень. Едва ощутимое касание, как от крыльев бабочки. Внезапно стало страшно. Не должно этого быть, если Аламар мертв. Невозможно чувствовать человека, которого больше нет. А может быть, она попросту сходит с ума?

Старательно прикрыв за собой двери, Дани медленно пошла вглубь дома.

Все здесь было пусто, тихо. Лохмотья паутины повсюду.

Кое-где осталась мебель, отсыревшая, давно испортившаяся. Над печкой в кухне поселилась дружная паучья семья, хотя было неясно, чем они питаются. В одном углу подтекала крыша, и стена пошла яркими пятнами плесени. Дом тихо стонал, жалуясь на свою судьбу.

– Ничего, – сказала Дани, – я все исправлю. Я наведу здесь порядок, и все будет как прежде. Ты только защити меня, домик. До той поры, как я сделаю то, что задумала.

Потом Дани поняла, что очень устала. Она забрела в свою бывшую комнату и, к собственному удивлению, обнаружила там старую кровать. Почему-то ее так и оставили там, как и портрет родителей. Дани потрогала перину и пришла к выводу, что она вполне пригодна для использования. Запылилась, конечно, но даже не отсырела. Фыркая и чихая, она стряхнула пыль. Просыпались воспоминания, и глаза жгло невыплаканными слезами. Когда-то... она лежала на этой кровати, а в окно лился солнечный свет, переплетенный зелеными листьями плюща. И было хорошо, спокойно на душе, как бывает только у детей...

– Я отдохну немножко, – прошептала она, – а ты охраняй меня, милый дом.

Она разулась, забралась в кровать и свернулась клубочком. И так, согревая дыханием руки, начала медленно проваливаться в теплый, словно стеганое одеяло, сон.

Дом не отапливался, но Дани совершенно не мерзла.

У нее по-прежнему не было ни денег, ни еды, но появи-

лась хотя бы крыша над головой.

Дани проснулась поздним утром и долго лежала, глядя в окно. Сквозь пыльные стекла пробивался тусклый свет и было видно небо, жемчужно-серое, затянутое слоистыми, в завитках, тучами.

Хотелось плакать. Так, как и положено слабой женщине – навзрыд, уткнувшись в подушку, так, чтоб душу отвести и слезами вымыть накопившуюся в душе боль. Дани всхлипнула и сжала кулаки. Всю ночь ей снилось, что рядом кто-то большой, сильный, теплый. Кто-то обнимал ее, мягко привлекая к себе, нашептывал неразборчиво на ухо, скользя шершавой ладонью по щекам, по шее. И это было похоже на безумие: она тосковала по Аламару. По человеку, который присвоил ее, чтобы отомстить, которого должна бы ненавидеть... И как было бы хорошо, останься он дома в то утро. Уж наверняка бы они что-нибудь придумали... вместе... и Дани прогнала бы механоидов, не позволила бы им причинить вред...

Но что толку теперь в этих мыслях?

Нет его больше.

Дани поджала губы, заставила себя выбраться из кровати. Сунула ноги в туфельки – ступням сразу стало холодно. В животе заурчало.

Надо было что-то делать, куда-то идти, пытаться раздобыть еду. Дани оглядела свое платье: конечно, оно примя-

лось за то время, пока она отсыпалась, но по-прежнему выглядело слишком хорошо, чтобы пойти и под видом девушки из бедной семьи поискать какую-нибудь работу. Дани прошлась по дому в попытках найти хоть что-нибудь на замену, хотя бы и мужскую одежду – без толку. Ни лоскутка.

«Значит, придется идти так». – Она вздохнула и быстро заплела косу.

Теперь оставалось как-нибудь договориться с домом, чтобы он ее выпустил, а сам запер двери.

– Домик, – позвала она, прислонив ладони к стене.

Ей показалось, что старая каменная кладка дрогнула и на миг подернулась рябью.

«Да это у меня перед глазами рябит, – догадалась Дани, – от голода, не иначе».

И в этот миг в дверь решительно постучали.

Мгновенно вспотев, она замерла посреди холла. Кто мог сюда прийти? Кто мог знать, что она здесь?!!

Единственно верным решением было сделать вид, что никого нет дома, и Дани затаилась, почти дышать перестала. Стук повторился, деликатный, но настойчивый.

«А если я буду сидеть тихо, они решат, что и правда никого нет», – решила она, невольно сжимая кулаки.

Время шло, но неведомые гости не торопились уходить. Она чувствовала, как кто-то топчется на пороге и тяжело сопит. Снова постучался, отчего по спине поползи мурашки, а в животе стало сладко и тяжело одновременно – как в дет-

стве, когда пряталась от кузена, а он бродил по дому и с руганью ее разыскивал.

Снова стук. И, наконец, голос:

– Госпожа Нирс! Данивьен, если вы здесь, пожалуйста, откройте!

Она выдохнула с облегчением, но теперь уже сердце зашлось в сумасшедшем беге. Она узнала голос: он принадлежал Кио.

– Откройте, госпожа Нирс! – повторил мужчина, – прошу вас!

«Интересно, а с чего он решил, что я здесь?» – Дани все еще мялась напротив дверей. Ей совершенно не хотелось видеть ни Кио, ни, тем паче, его мать.

«Ах, да. Запирающие артефакты сорваны. А на столе Аламара остались документы...»

Она на цыпочках подошла к двери и спросила в щелку:

– Что тебе нужно, Кио?

– Хвала Всеблагому! – в его голосе послышалось явное облегчение, – вы живы! Прошу вас, откройте... Я ведь ничего вам дурного никогда не делал.

Дани, поразмыслив несколько мгновений, все же дернула засов, приоткрыла двери и вышла на порог.

– Зачем ты пришел? В городе опасно.

В светло-серых глазах Кио, что были так похожи на глаза самого Аламара, скользнула тень страха.

– Я пришел, чтобы попросить вас вернуться, госпожа

Нирс, – глухо сказал он, – особняк теперь ваш.

– Ты шутишь, – она покачала головой, – особняк этот никогда моим не был. Это особняк моего мужа.

– Данивьен, – хрипло сказал Кио, – я всегда служил Аламару, и не позволю погибнуть его жене, только потому, что...

– Потому что из-за нее он и умер?

Тут Дани увидела, что Кио держит в руке корзину, накрытую чистым полотенцем.

– Я не вернусь, – сказала она твердо, – пусть твоя мать будет спокойна на этот счет.

– Она была неправа и раскаивается, – быстро промолвил он, – Данивьен, пожалуйста... Я должен тебя беречь.

Она вздохнула. На сердце стало горько. К чему теперь все это? Зачем?

– Ты ничего не должен мне, – ответила тихо, – как и я тебе. Я останусь в этом доме. К тому же, как вам наверняка известно, этот дом теперь мой.

– Но... Данивьен, – Кио потряхнул головой, – я не понимаю. Как ты проживешь без помощи?

Дани снова бросила осторожный взгляд на корзинку. Чистое полотенце сверху манило, как будто нашептывало – приподними меня...

– Как и раньше жила, – сухо ответила она, – если ты все сказал, то я, пожалуй, пойду. У меня... много дел сегодня.

– Ты ненавидишь мою мать, – заключил Кио.

– Вовсе нет. Это она ненавидит меня. А я просто не хочу

иметь дел с теми людьми, которые меня ненавидят, хоть и заслуженно.

– Не говори так! – в голосе Кио натянутой струной звенело отчаяние, он сжал пальцами переносицу, – я не знаю, как загладить поступок моей матери, Данивьен. Но я очень, очень тебя прошу. Вернись. Я буду о тебе заботиться до конца дней своих, чего бы это мне не стоило.

Она вдруг поняла, что сейчас расплечется. Жаль ей было Кио. Жаль оттого, что упрашивает, унижается зазря. Она подняла голову, смело встречая его растерянный взгляд.

– Мне не нужна твоя забота, – ответила твердо, – уходи. Возвращайся в дом мастера Нирса.

– Подожди! – хрипло прошептал он, – Данивьен, пожалуйста... Я подозревал, что ты не захочешь... Но тогда возьми хотя бы еды.

И протянул корзинку.

О-о-о, это было самое заманчивое предложение за последнее время. Рот моментально наполнился голодной слюной, перед глазами все поплыло – и Дани непременно бы грохнулась в обморок, не подхвати ее Кио под локоть.

– Данивьен! Что с вами, госпожа...

Внезапно разозлившись, она изо всех сил оттолкнула руку Кио.

– Уходи! Мне ничего... ничего от вас не нужно, понятно? И не приходи больше, я не вернусь...

Воспользовавшись секундным замешательством мужчи-

ны, Дани шмыгнула обратно в дом, заперла дверь и грохнула засовом. Прислонилась к деревянной створке, тяжело дыша.

Ох, это было так глупо, отказываться от еды.

Но в то же время она понимала, что еду собирала Ньями, и что, прими она эту подачку, это будет первым шагом к примирению.

А мириться не хотелось.

Хотелось просто... быть подальше от Ньями и Кио, потому что она нутром чувствовала, что по-прежнему чужая, презируемая, ненавидимая. Что бы он там ни говорил.

– Данивьен!

Кио стукнул кулаком по двери.

– Что ж ты делаешь? – уже тихо, почти шепотом, – зачем ты это делаешь? Хочешь себя голодом уморить? Мать говорит, что ты, быть может, носишь ребенка господина Аламара. Так что ж теперь, и его в могилу?

Из глаз словно искры брызнули.

– Уходи! Уходиииии!

И, рыдая, она привалилась боком к стене. Корзина, казалось, вкусно пахла даже сквозь дверь, хотя это было невозможно. Желудок снова свернулся в замысловатую фигуру, намекая на необходимость поесть.

Дани положила руку на свой совершенно плоский живот и попыталась прислушаться. А что, если правда? Что тогда?! Что она будет делать одна с этим ребенком, когда Аламара больше нет?

Тишина. Она ничего не почувствовала. Ну, бывает же и так, что после соития с женщиной беременность и не наступает...

Дани снова прижалась головой к дверям и прислушалась. Кио все еще топтался за дверью, потом ушел.

Она отважилась высунуть нос на улицу только спустя несколько часов. Зимний день мягко, словно на санях, скатывался в сумерки. На той улице, где стоял дом, по-прежнему было пустынно, горожане не торопились покидать убежища, но где-то уже раздавался лай собак, трепетали обрывки голосов на ветру. В столицу медленно возвращалась жизнь. Корзинка, что принес Кио, так и осталась стоять на крыльце.

Дани зябко поежилась, обхватила себя руками за плечи и уверенно зашагала по улице. Ей хотелось найти какую-нибудь лавку, или ресторан, чтобы попроситься туда на работу, а заодно попытаться добыть еды. Воспоминания возвращались. Она знала, что люди, хоть и ненавидят попрошаек, иногда все же бывают добры.

Первой встретила булочная с румяным калачом на вывеске. Дани толкнула дверь, но оказалось заперто. Тогда она постучалась. Холодный ветер пробирал до костей, зубы начинали выстукивать барабанную дробь.

– Кто там? – раздался испуганный женский голос.

– Откройте, пожалуйста! Я ищу работу. Умею помогать по хозяйству, убираю, готовлю...

– Нам никто не нужен, – ответили через некоторое время.

– Ну тогда... не могли бы вы мне дать немного хлеба? – надежды таяли стремительно, как лед по весне.

По ту сторону двери воцарилась короткая пауза. А потом

– Много вас тут, крыс, расплодилось! Пошла вон, попрошайка, не то мужа позову, он тебя так отделает, что мало не покажется!

– Понятно, – пробормотала Дани. В общем, результат был вполне предсказуем, но при этом неприятен.

Она пошла дальше.

По обе стороны от дороги начинались дорогие магазины, и чем дальше Дани шла, тем сильнее становилось понимание того, что надо поворачивать обратно. В такие места не берут людей с улицы, только своих, только проверенных, тех, кто уж точно не соблазнится колечком или подвеской. А потом вдруг стала как вкопанная: витрину одного магазина она узнала. Именно здесь Аламар купил ей белую шубу и колье...

Несколько минут она стояла, собираясь с духом, а потом решительно постучала в дверь.

Сперва была тишина, а потом раздалось гулкое:

– Что надо?

Дани ответила не сразу, судорожно перетряхивая собственную память в поисках имени. А, вспомнив, ответила:

– Хельгерда, откройте, пожалуйста! Это я, жена господина

Аламара!

Время словно замерло, застыло тягучей медовой каплей.

«Пожалуйста, не прогоняй меня, – мысленно взмолилась Дани, – пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!»

И Всеблагий сжалился. Звякнула отодвигаемая щеколда, дверь приоткрылась, и из полумрака магазина на Дани надвинулась внушительная фигура хозяйки.

– О, боже! Госпожа Нирс, что с вами? И что... где ваш муж?

«Узнала», – выдохнув с облегчением, Дани умоляюще посмотрела на Хельгерду.

Конечно, последние события не прошли даром ни для кого: женщина как будто осунулась и похудела враз, морщины на лице прорезались глубже, уголки губ скорбно опущены.

– Пустите меня, – попросила Дани, – мастер Нирс погиб. Его убили механоиды. А я... ушла из его дома, и теперь...

Она не успела договорить. Мощна рука Хельгерды сгребла ее в охапку и затащила внутрь, в тепло.

– Деточка, что ж ты будешь теперь делать? – услышала Дани.

Они прошли внутрь магазина, Хельгерда кивнула на стул.

– Садись, сейчас сварю кофе. Здесь-то у меня и еды не водится... Так что последние пару дней я, считай, на кофейной диете, – сказала женщина и по-военному широким шагом вышла.

Дани осмотрелась, быстро нашла у стены обогревающие

магкрystalлы и, подвинув стул туда, вытянула к теплу озябшие ступни.

«Еды у нее нет, – билось в висках, – ну ничего, я потерплю. Я ж привыкла терпеть, потерплю еще немного».

Потом в помещение вплыл густой аромат свежесваренного кофе, а следом и Хельгерда с парой керамических кружек.

– Ни крошки еды, – бодро сказала она, – вот только несколько конфет нашлось.

Дани обхватила ладонями горячую кружку, сделала глоток обжигающе-горячего напитка.

– Спасибо, Хельгерда. Вы меня просто спасли.

– Да что уж, – женщина медленно прихлебывала свой кофе, а потом приказала:

– Деточка, рассказывай. Я не совсем понимаю, почему ты ушла из дома своего мужа. Аламар был очень богатым человеком, ты бы всю жизнь как в масле каталась.

– Не нужно мне такое масло, – Дани захрустела карамелькой и почувствовала себя почти счастливой, – дело в том, что...

И рассказала все, начиная с того момента, как едва не утопла в ванной.

– Я не хочу... я не могу туда вернуться, понимаете? С одной стороны, я понимаю, что моя вина перед Аламаром... ее не искупить. Никак и никогда. Но жить в ожидании, когда Ньями в очередной раз плеснет ненавистью, тоже не хочется.

– Понимаю, – протянула Хельгерда, – несчастный цыпле-

ночек... Эх тебя угораздило. Но шубу-то могла и не оставлять в особняке, между прочим. Мастер Аламар, да пребудет он в свете господ нашего Всеблагого, тогда отвалил за нее целое состояние. И колье тоже недешевым было.

Дани только головой затрясла.

– Что мне эта шуба теперь, когда его нет? О, я бы все отдала, лишь бы только...

«Он был жив», – закончила про себя. И сама удивилась тому, что, начинаясь со страха и боли, зародившаяся привязанность оказалась столь крепкой.

– Понимаю, – протянула женщина. Окинула Дани внимательным взглядом, – так чем я могу помочь-то?

– Я... мне... очень нужна работа, Хельгерда, – прошептала Дани и опустила глаза, – я понимаю, что прошу очень много, но... вы единственная, кто может помочь.

Воцарилась тяжелая, давящая тишина.

«Откажет», – решила Дани, и на душе сделалось так горько, что хоть волком вой.

– Да не вопрос, – сказала Хельгерда, – мне как раз не помешает помощница. С мехами столько возни, надо постоянно следить, чтобы артефакты были заряжены, не то моль будет пировать.

– Вы... вы правда согласны? – Дани внезапно охрипла, – о, я так благодарна! Вы не пожалеете, клянусь! Я ведь... все умею, все. И готовить, и убирать.

Хельгерда отставила в сторону кружку и чуть заметно

улыбнулась.

– Жалко мне тебя, детка. Ты по возрасту как моя дочка... так что...

– А ваша дочка... – Дани запнулась, подумав вдруг, что Хельгерда могла и потерять своего ребенка, и спрашивать об этом даже неприлично.

Хозяйка магазина махнула рукой.

– Да жива она, жива, эта стервь. Наплевала на родную мать и укатила с тем хлыщом, как бишь его там...

Дани покинула магазин ближе к вечеру и поспешила домой. За спиной как будто крылья выросли: Хельгерда пожертвовала ей шубку, а в карман этой шубки вложила серебряную крону в качестве аванса.

Город начал оживать к вечеру. На улицах появились первые прохожие, кое-кто открыл лавку, так что Дани забежала в булочную и на пол-кроны купила себе яблочный пирог, а потом потратила еще четверть на бутылку молока.

«Ну вот, – думала она, хрустя ледяным крошечком, – все наладится. Я все смогу. Сама».

И тут же мелькнула мысль, что Аламар мог бы ей гордиться – так, совсем чуть-чуть.

Прижимая к груди сверток с продуктами, она скорым шагом пересекла улицу и свернула в узкий проулок, который должен был привести ее к площади Вершителей. В животе урчало, а от пакета с пирогом пахло так, что рот был полон

слюны, но Дани твердо решила, что доберется до дома и уже там устроит себе пиршество. С упоением вдыхая аромат свежей выпечки и чувствуя, как слегка кружится голова, она почти бежала вперед, совершенно не глядя по сторонам.

И именно поэтому слишком поздно заметила ловушку.

Она так и не поняла, из какой дыры, или щели вынырнули в проулок две тени. Тощие, оборванные и скалящиеся как смерть.

Они взялись как будто ниоткуда, но уже в следующее мгновение решительно преградили ей путь.

– И куда это спешит такая цыпочка? – заржал первый, и Дани, мгновенно покрывшись ледяным потом. Во рту у него все зубы совершенно гнилые, черные.

– Наверное, несет бабушке пирожки и горшочек масла, – противно хихикнул второй, свирепо сверкнув черными глазами.

Дани чудом увернулась от грязных рук, рванула в противоположную сторону, назад, на площадь – но поняла, что не успеет. Дорога назад уже была перекрыта. И тоже двое, один медленно идет к ней, а второй, огромный как медведь, прислонился спиной к стене и зубочисткой ковыряется во рту.

Ноги моментально сделались ватными. Дани остановилась, тоже попятилась, разворачиваясь спиной к дому и выжидая. Так уже бывало с ней... тогда, намного раньше, когда жила на помойках, и именно поэтому она очень хорошо понимала, что надо ускользнуть от них. Стоит дать слабину

– и все, ты труп, изуродованный труп, который полиция когда-нибудь разыщет и отправит в общую могилу для нищих.

В конце концов, она маленькая и шустрая. Если сильно повезет, то увернется, прошмыгнет под их руками...

– Цыплечееееек, – мечтательно протянул тот, с гнилыми зубами, – ах, как долго я мечтал о такой птичке. Снимай шубу, цыпа.

«Так даже лучше, – мелькнула мысль, – будет проще бежать».

Дани выбросила вперед руки в примиряющем жесте.

– Хорошо, хорошо. Забирайте. Только дайте мне пройти.

Она быстро положила пакет с едой на мерзлую землю, скинула шубку и, размахнувшись, бросила ее в сторону грабителей.

Те переглянулись. Черноглазый поднял добычу, быстро пошарил по карманам и достал четверть кроны.

– Это что, и все?

– Шуба дорогая. Наверняка у этой малышки кошелек на поясе.

– Нет никакого кошелька, – судорожно сглотнув, ответила Дани, – у меня больше ничего нет. Отпустите, а?

Ее накрыло страхом, но она еще боролась. Нельзя. Нужно быть сильной и ловкой, и только в этом случае она уйдет живой.

– Покладистая малышка, – с удовольствием заметил тот, у кого гнилые зубы, – люблю покладистых женщин. Но нам

деньги нужны, цыпа.

– У меня нет больше денег! – выкрикнула Дани, – ничего больше нет!

Они снова переглянулись.

А Дани, улучив момент, бросила взгляд в сторону того, который походил на медведя. Он все так же стоял, прислонившись к стене, и все так же ковырялся в зубах, делая вид, что все происходящее его не касается.

– Ха, цыпа, а ты не врешь? Надо тебя обыскать...

Они все подходили и подходили, медленно, крадучись, словно шакалы. Дани сжалась пружиной. Вот он, этот миг, ее последний шанс...

– Ты гляди, у нее на шее цацка.

– Ее тоже заберем...

– И колечко.

Пискнув, она поднырнула под протянутую руку и со всех сил рванула туда, где путь уже был свободен. Шаг. Другой. Пульс грохочет в ушах, отмеряя мгновения.

...И жесткие руки, перехватившие поперек туловища.

Все-таки не смогла, попалась.

– Отпустите! – крикнула она, но из горла выполз сдавленный хрип, – помогите!

– Сладкая цыпочка, – ужасные, отвратительные руки шарили по телу, – мmmm, сочная сладкая цыпочка. Кривой, держи побрякушку. Да, и колечко надо снять.

Шею ожгло болью, и из глаз брызнули слезы. Кулон, кото-

рый купил Аламар...

– Нееет! Отдай! Отдай немедленно!

И, развернувшись, пропахала ногтями грязную физиономию.

– Ах ты сука!

Скулу ожгло болью, голова мотнулась, и на миг перед глазами все померкло.

– Ну все, цыпа. Я хотел быть с тобой нежным, но уже не получится.

– Помогите! – прохрипела Дани, понимая, что ее уже никто не услышит, а если и услышит, то точно не поможет.

Горожанам сейчас не до нее. И полиция наверняка далеко.

Спина больно ударилась о лед, Дани извернулась ужом, поползла на локтях, поднимаясь... проклиная свою медлительность, и это длинное тяжелое платье. Ее дернули за шкурку, снова швырнули на спину.

– Не трогай меня! – взвизгнула она, пнула ногой наугад, не глядя. Подонок утратил свои очертания, был как грязное пятно. Раздался поток брани, видать попала хорошо.

Дани снова поднялась на четвереньки, затем и вовсе выпрямилась, но ее тут же схватил черноглазый, больно сжал грудь.

– Слышь, Кривой... Я после тебя.

Дани резко закинула голову назад, затылок с хрустом врезался во что-то, и бандит взвыл не своим голосом, ослабив хватку. Дани вывернулась из его рук, но ее снова схватили.

Она вырывалась и царапалась, но тот, грязный, с гнилыми зубами, теперь уже держал крепко. Прошептал на ухо, обдавая смрадом:

– Ну что, кошечка, добегалась? Была бы покладистой, мы бы с тобой повеселились и отпустили. А теперь...

И Дани ощутила, как к горлу прижалась холодная сталь.

Перед глазами все поплыло. Она осознавала, что именно с ней сейчас сделают эти отморозки, но не могла ровным счетом изменить. Слезы так и брызнули из глаз.

– Не надо... пожалуйста...

– А, вот ты как теперь заговорила, – удовлетворенно хмыкнули за спиной.

И Дани почувствовала, как ей задирают подол.

Сердце, казалось, подпрыгнуло к самому горлу, во рту разлился вкус железа. Серая стена дома внезапно накренилась, расплываясь, как будто охватывая ее. А потом накатило небытие.

Глава 2. Его Величество Ксеон

Сидя за столом верховного инквизитора, Ксеон испытывал настолько сложные и смешанные чувства, что их просто невозможно было облечь в слова.

Оттого, что все закончилось слишком уж легко и быстро, осталось легкое, с горчащим привкусом, разочарование.

Возможно, именно легкость победы и притупила чувство триумфа, которое он бы должен был испытывать, когда широким жестом сгреб на пол кипы документов.

Чего-то не хватало. Ксеон не мог понять, чего же именно, но это чувство неполноты было вязким, липким и неприятным, тянулось за ним клейкими нитями, бесило. Снова и снова он задавался вопросом – все удалось. Ты король. Так чего тебе еще надо?

Возможно, все было бы по-иному, оставь он в живых Маттиаса (называть этого человека отцом уже просто язык не поворачивался). Тогда низложенный король отправился бы на остров, в замок Энц, и вот бы посмотреть на его вытянувшуюся физиономию и выпученные глаза. Увы. Механоиды быстро расправились с мягкотелыми людьми. На том полигоне осталось крошево костей и обрывки плоти, поди пойми, где кто.

А может быть, Ксеону не хватало Аламара, ползающего на

коленях и молящего о пощаде. Драконья лапа смяла инквизитора, переломав кости, и наверняка Аламар потерял сознание еще до того, как осознал поражение. Жаль. Хотелось расхохотаться ему в лицо. Ты, ублюдок, думал, что лишил меня свободы? Так ты сильно ошибся...

И только ворох ненужных теперь бумаг на полу, раздражающе-яркий свет магкристаллов и навязчивый запах осенних яблок и костров, как будто самый сильный контролер королевства все еще здесь...

– Вилферс! – гаркнул Ксеон, – Вилфе-е-е-ерс!

Инквизиция восприняла собственное поражение с достоинством. Вернее, не так. Они быстро сообразили, что неразумно противостоять новому королю. Погибших причислили к бунтовщикам и изъявили желание служить верой и правдой, присягнув на верность. Ксеон назначил новым верховным инквизитором самого себя, а в помощники взял молодого мага-контролера среднего уровня. Выбирал, пристально наблюдая за всей этой стаей воронья: Вилферс держался обособленно и когда смотрел на коллег, время от времени презрительно кривился, так, словно все они ему в подметки не годились.

«Он их едва терпит, – подумалось тогда, – а значит, будет внимательно следить за всем происходящим и доносить мне».

Дверь в кабинет бесшумно отворилась, и упомянутый Вилферс возник на пороге подобно тени. Он был худым, дол-

говязым и имел крайне нездоровый цвет лица, что в совокупности с застывшим на нем кислым выражением вызывало оскомины. Всклокоченные и торчащие наподобие вороньего гнезда волосы придавали Вилферсу вид свихнувшегося гения от магии. Возможно, именно так оно и было.

– Ваше величество, – он склонил голову выверенным движением, – я к вашим услугам.

Ксеон положил ладони на стол. По-прежнему в кабинете ему мерещились запахи яблок, палых листьев и костров, и это раздражало, дергало невидимые, но очень чувствительные струны где-то глубоко внутри.

Ну почему Аламар Нирс не мог исчезнуть бесследно?

– Вилферс, – тяжело произнес Ксеон, – я хочу, чтобы за время моего отсутствия... за время моего присутствия во дворце ты навел порядок в бумагах и отчитался об их содержимом.

Маг кивнул.

– Будет сделано, ваше величество.

– Второе, – Ксеон вздохнул, – я даю вам месяц на то, чтобы вы отловили и предали огню всех тех менталистов, которые все еще разгуливают на свободе.

Брови Вилферса чуть заметно дрогнули, и это было единственным, чем он выдал свое удивление. Ксеон хмыкнул. Разумеется, странно слышать подобные вещи от менталиста, прибравшего к рукам армию механоидов.

Но ведь все вполне предсказуемо. К чему королю Ксеону

конкуренция?

По этой причине охота за менталистами продолжится. И все они отправятся на костер, как и положено темным магам.

– Тебя что-то удивляет, друг мой? – вкрадчиво проговорил Ксеон, не сводя глаз с инквизитора.

Но Вилферс, если и был удивлен таким поворотом событий, ничем больше себя не выдал. Его широкоскулое лицо как будто окаменело.

– Ничего, сир. Все будет выполнено, ваше величество.

– Вот и славно, – Ксеон растянул губы в улыбке и поднялся, – а теперь я желаю осмотреть тюрьму инквизиции.

Брови Вилферса снова чуть заметно дрогнули, но он ничего не сказал, лишь глубоко поклонился.

Им не нужно было идти далеко. Тюрьма располагалась здесь же, глубоко под фундаментом здания, по соседству с допросными и пыточными. Ксеон невольно усмехнулся: вот так, все под рукой, очень удобно.

Здесь, в подземелье, было сумрачно и прохладно, и как будто сам воздух пропитался магией контроля: кожу неприятно покалывало. А если бы не артефакты, которые он носил, не снимая, под одеждой?

Словно угадав его ощущения, Вилферс подал голос:

– Уже недалеко, ваше величество. По большому счету, тюрьма пуста, занято лишь несколько камер.

– И кто там?

– Три менталиста, сир. Отловили недавно. И еще одна де-

вица из благородных.

– Хорошо, идем смотреть, – Ксеон мимоходом провел пальцами по шершавой, пронизанной магией стене. Рука моментально задеревенела, пришлось пару раз встряхнуть кистью, чтобы сбросить чужеродную магию. – А что за девица-то?

Вилферс помолчал. Затем ответил неохотно:

– Мастер Нирс приказал ее посадить в подземелье за то, что она натравила своего карманного механоида на его жену.

Ксеон хмыкнул.

Оказывается, слухи о женитьбе верховного инквизитора оказалась правдой.

А если Аламар упек в подземелье деваху, покусившуюся на его супругу, значит... было в ней что-то, в этой неведомой жене инквизитора? Нечто такое, чем проникся совершенно сбрендивший инквизитор?

В душе медленно поднимало голову любопытство, болезненное, нездоровое.

Чем еще можно унижить поверженного врага? Только присвоить то, что было ему дорого.

– Скажи, Вилферс, а ты видел ее? Ну, жену мастера Нирса? – осторожно поинтересовался Ксеон.

– Нет, ваше величество. Он ее никому из нас не показывал. Однако, ее видели с ним во дворце. Говорят, молоденькая и хорошенькая, но совершенно безродная. Говорят, мастер Нирс свою кровь с грязью смешал.

– Ну, раз смешал, значит было ради чего, – хмыкнул Ксеон и замолчал.

А про себя отметил, что надо бы повелеть вдовушке явиться ко двору и посмотреть на нее более внимательно. Льер это, конечно, вряд ли понравится, ну да наплевать. Льер – корону, а ему, Ксеону, фаворитку в постель, чтобы грела по ночам. Ну а то, что это жена Аламара, будет подогревать еще больше.

Они добрались до длинного коридора, тонущего в вязком жирном мраке. Вилферс взял с полки лампу с магкристаллом внутри и пояснил:

– Менталисты по правую руку, сир. А девка по левую.

– К темнейшему менталистов, – буркнул Ксеон, – я уже объяснил, что с ними нужно сделать. Показывай девку. Кто она вообще?

– Эверси, Бьянка Эверси.

– Это же древнейшая семья, разве нет?

– Да, весьма, – согласился Вилферс бесцветно.

– И, тем не менее, Аламар посмел засадить ее сюда... Любопытно, любопытно...

А мысли вновь вернулись к жене инквизитора. Неужто настолько оказалась хороша, что Аламар из-за нее так обошелся с высокородной девицей?

Наверное, и правда хороша, но он все это выяснит чуть позднее.

А сейчас...

Вилферс остановился у широкой железной двери, тронутый ржавчиной, и зазвенел ключами, отстегивая их от пояса. Ксеон прислушался. Из-за двери не доносилось ни звука, и закралось сомнение – может, померла деваха, не выдержав пребывания в холодном подземелье?

Потом раздался скрип плохо смазанных петель, свет маг-кристалла выхватил широкий треугольник из густого мрака камеры. В этом серебристом, так похожем на лунный, свете мелькнуло бледное пятно, как будто платье.

– Госпожа Эверси, – позвал Вилферс, – извольте преклонить колена перед королем.

Тишина.

А потом совершенно беспомощный, детский всхлип.

– Перед королем? – тонкий голосок дрожал, – сам король пришел вызволить меня отсюда?

– Успокойтесь, дитя мое, – сказал Ксеон, – я действительно всем сердцем желаю вызволить вас. Подойдите ближе.

Снова тишина, мрачная, гнетущая. Ксеон передернулся: ему вдруг пришла в голову мысль о том, что это и не Бьянка Эверси с ним говорит, а ее бестелесный призрак, в то время как косточки самой Бьянки уже обгладывают крысы.

Что-то зашуршало в темноте, а потом на свет шагнула совсем юная девушка. Шагнула – и тут же упала на колени, светлые волосы тяжелой волной рассыпались по плечам.

– Ваше Величество...

– Ну же, милое дитя, поднимитесь.

Он приподнял пальцами ее узкий подбородок, убрал с лица спутанные волосы.

Бьянка Эверси была прехорошенькой, словно дорогая фарфоровая куколка. Одни огромные светлые глаза в пушистых ресницах чего стоили. Ксеон тут же пообещал себе обязательно уделить побольше внимания этим глазам при свете дня, чтобы рассмотреть их истинный цвет.

– Всеблагий, – пробормотал он, – я смотрю, мастер Нирс окончательно лишился рассудка, если запер в подzemелье столь совершенную красоту.

Бьянка от этих слов поникла, узкие плечики опустились.

– А где... мастер Нирс? – спросила едва слышно.

– Он умер, – ответил Ксеон, – равно как и его величество Маттиас.

Взгляд Бьянке недоверчиво метнулся вверх, и на нежном, но грязном личике вдруг расцвела совершенно неуместная, хищная улыбка.

– Умер? – переспросила она хрипло, – но как же...

– Говорят, вы не особо жаловали его жену, – усмехнулся Ксеон.

– Не особо, – согласилась она, – простите... мне тяжело говорить обо всем этом.

– Так я и не заставляю вас говорить сейчас, дорогая Бьянка. Сейчас вы поднимитесь с нами из этого жуткого места, вас отвезут домой, к родителям. А потом я жду вас во дворце. Ну же, поднимайтесь...

Он подал ей руку, и она вцепилась в ладонь так, что даже оцарапала. Ногти у Бьянки оказались весьма жесткими и острыми. Ксеон поморщился, но ничего не сказал. В конце концов, семья Эверси всегда была предана его отцу... Теперь эти люди будут боготворить его, Ксеона, за возвращение дочери.

Но все же не удержался, спросил, ведя Бьянку по лестнице вверх:

– И как вам жена мастера Нирса?

– Беспородная сучка, – пробормотала благородная девица Эверси, – ой, простите, ваше величество. Я хотела сказать, простовата. Но личико смазливое, мужчины таких любят.

Ксеон улыбнулся в полумрак. Становилось все интереснее и интереснее.

Он обязательно посмотрит на женушку Аламара, а потом решит, что с ней делать дальше.

... Когда подземелья закончились, и в глаза брызнул мягкий дневной свет, Бьянка не выдержала и разрыдалась. Она плакала так безутешно, что Ксеон приобнял ее за вздрагивающие плечики, легонько притянул к себе. Головка девушки как-то очень естественно легла ему на грудь, тонкие пальчики вцепились в сюртук.

– О-о-о, – простонала Бьянка, – я... простите... все еще не верю... мне казалось, что он сгноит меня там.

– Но его нет больше, – заметил Ксеон, медленно отстраняясь.

Достал из кармана платок с гербом королевской семьи, мягко промокнул Бьянке слезы. Глаза у нее были чудесные – чистого и густого голубого цвета, ну просто драгоценные топазы. И личико, сейчас покрасневшее, с пролеглими дорожками от слез, тоже породистое, аккуратное. Пожалуй, даже слишком аккуратное, лишенное какой-либо неправильности.

Бьянка судорожно прижалась губами к его руке.

– Ваше величество... спасибо... Это такое счастье, оказаться на свободе.

«Еще бы», – подумал Ксеон.

В этом он был полностью согласен с Бьянкой. Только вот его счастье все еще казалось неполным, не хватало чего-то очень важного. А может, наоборот, он сделал больше, чем следовало?

В этот момент в конце коридора появилось еще одно действующее лицо, герцог Салливан, которого Ксеон назначил министром тайной полиции.

Разодетый как павлин, Салливан казался совершенно неуместным в этих мрачных стенах. Ему бы на балах блистать, да женщин соблазнять. Глядя на то, каким утонченным движением герцог подносит к лицу пропитанный духами носовой платочек, Ксеон даже начинал сомневаться в том, а нужны ли Салливану женщины. Впрочем, эта сторона жизни подданных была ему малоинтересна, куда интересней было совсем другое.

– Вилферс, позаботьтесь о девушке, – коротко приказа он.

Не отказал себе в удовольствии скользнуть ладонями по нервной спине Бьянки, ощутить живое, трепещущее под пальцами тепло ее тела, а потом пошел навстречу Салливану.

– Герцог.

– Ваше величество.

Поклон, выверенный до мелочей. Расшитый серебром сюртук заиграл на свету сотнями крошечных солнц.

– Вы пришли доложить о том, что все сделано?

– Да, Ваше Величество. Все, как вы приказали.

– Он... сопротивлялся? – все же спросил Ксеон, хоть и было по большому счету наплевать.

Салливан презрительно хмыкнул.

– Мужчины сопротивляются, сир. А это... сложно даже человеком назвать.

– Отлично, отлично, – Ксеон потер ладони. Все шло по плану.

Когда разъяренная Льер ворвалась в рабочий кабинет, Ксеон был готов к разговору. Он переплел пальцы рук и оперся на них подбородком. Отметил, что прическа Льер совершенно неприлично растрепалась, щеки покраснелись и глаза сверкают. Такой, хоть на миг, но утратившей самообладание, она ему почти нравилась.

Маленький кулачок обрушился на столешницу, Льер на-

висла над ним, тяжело переводя дыхание. От нее по-прежнему пахло летом и цветами, а одна пуговка на вороте была кокетливо расстегнута.

– Ты что творишь?! – рыкнула она, напрочь отменяя все очарование момента.

В самом деле, он почему-то постоянно забывает, что перед ним не красивая, покорная и податливая женщина, а инквизитор в юбке, да еще и с ого-го какими железными яйцами.

И глазом не моргнув, Ксеон тепло улыбнулся принцессе.

– Дорогая, что случилось?

Голос Льер вмиг скатился до хриплого шепота.

– Ах, ты еще и делаешь вид, что это не твоих рук дело?

Ксеон пожал плечами. Бросил взгляд на двери – их уже аккуратно прикрыли с той стороны, как он и приказывал.

– Не понимаю, о чем ты, – промурлыкал он, откровенно любуясь Льер.

Принцесса, конечно, горячая и необъезженная, но все равно красивая. И эти розовые пухлые губы, которые она так соблазнительно кусает, и светлая, без малейшего изъяна, кожа. Ксеон вдруг представил себе, как зарывается пальцами в ее пламенеющую гриву, запрокидывая голову, и слизывает вкус лета с белой нежной кожи на горле. Образ получился настолько ярким, что он невольно поерзал в кресле. Длительное воздержание давало о себе знать.

– Не понимает он! – Лье сердито поджала губы, и выплю-

нула следом, – доктор Мельхольм убит! Хочешь сказать, что ты здесь не при чем? Попробуй, убеди меня! О, какой же ты подонок, Ксеон... Сделка должна была быть честной!

– Погоди, – он выбрался из-за стола. Быть ниже Льер не нравилось, хотелось смотреть на нее сверху, – может, объяснишь хотя бы, что происходит? До того, как переходить к оскорблениям короля?

Льер сверкнула глазами. Ее руки были сжаты в кулаки, и Ксеон подумал, что вот сейчас она на него и набросится, пытаясь выцарапать глаза, ну или что еще там женщины любят делать. Вокруг Льер волнами расходилась ярость, он мимоходом подумал, что вот ее бы на благое дело... А она возмущается гибелью упыря так, словно только что отца родного потеряла.

– Зарезан! У борделя! – зло прошипела Льер, глядя в глаза.

– Ну так и что? Возможно, кто-то из клиентов приревновал, – Ксеон старался говорить спокойно, но уже хотелось смеяться. Представление получалось шикарным.

– Дуру из меня не делай, а? – она подошла почти вплотную, дышала тяжело, – Мельхольму нечего было делать в борделе! Он вообще к женщинам никогда не притрагивался.

Вероятно, Ксеон недостаточно хорошо владел собой, потому что Льер зло ухмыльнулась.

– О, да ты не знал этого... когда подсылал убийц, когда приказывал подбросить тело ближе к шлюхам! Да, Мель-

хольм любил мальчиков. И он никогда бы добровольно к бабе не подошел! И ты, ты...

– Ты можешь говорить что угодно, но я не собираюсь брать на себя вину за то, чего не совершал, – сухо ответил Ксеон, злясь на то, что она его все же разгадала, – да и потом, раз уж Мельхольм предпочитал мальчиков, тебе-то что с его смерти?

Льер вскинулась. В светлых хризовых глазах плескалась такая жгучая ненависть, что Ксеон почти ощутил, как этот яд просачивается сквозь кожу и кислотой растекается по венам. Его передернуло.

– Он был моим учителем, – тихо и вкрадчиво сказала Льер, – моим лучшим учителем. Впрочем, тебе не понять... Да и не в этом дело. Что ты себе позволяешь? Мы ведь договаривались...

– Мы договаривались о том, что ты станешь королевой, – оборвал ее Ксеон, – и мы не договаривались о том, что я буду терпеть рядом с собой упыря, который копается в мертвечине, и здоровяка, который привык тебя трахать. Привыкай к тому, что король не должен быть рогоносцем.

Льер сжала челюсти с такой силой, что зубы заскрежетали. Побледнела, кровь разом отлила от ее щек.

– Ты... – выдохнула, – да как ты... смеешь?!!

– Я король, я все смею.

И тут Льер сорвалась. Она резко замахнулась, но Ксеон перехватил тонкую руку, с силой завел за спину, заваливая

Льер лицом на королевский письменный стол.

– Пусти! – взвилась она, ухитрилась пнуть под коленку, и тут Ксеона окончательно повело. Перед глазами словно плеснули алой краской. Он еще сильнее заломил назад руку Льер, уже намеренно причиняя боль, навалился своим весом, шепча на ухо:

– Пришла пора расставить все по местам, принцесса. Здесь я – король. И мне решать, быть ли тебе королевой. Или не тебе. Или еще кому-нибудь...

– Ты обещал, – прохрипела она, – отпусти немедленно! Шан тебя...

– Смотри, с ним ведь тоже может что-нибудь плохое случиться, – он усмехнулся, – все это время ты не проявляла достаточного почтения к моей монаршей особе, плела свои интрижки у меня за спиной. Настало время показать тебе, кто ты есть на самом деле, и какова твоя роль здесь.

– Не смей, – голос Льер зазвенел, – не смей ко мне прикасаться, урод! Да я уже сто раз пожалела, что не сдала тебя отцу, там, в Ависии!

Ксеон рассмеялся. Его вело от ощущения горячего тела рядом, от осознания, что их разделяет только одежда, и что Льер полностью в его власти. Полностью!

– Тебя надо наказать, – голос сделался хриплым, каждое слово царапало нёбо, – я хочу покорную королеву, Льер. Женщину, которая будет делать то, что я велю, а не интриговать за моей спиной. И я тебя научу быть покорной, поверь.

– Иди в жопу, Ксеон, – огрызнулась она.

Но в голосе был страх. Ксеон прикусил тонкую мочку уха, поиграл языком с маленькой золотой сережкой.

– Не смей! – взвизгнула она, – не...

– Ты же хочешь быть королевой, – он рассмеялся, – а ведь быть королевой значит быть моей женой и рожать мне детей. Разве нет?

Свободной рукой он схватил ее за волосы и легонько приложил лицом о стол. Льер вскрикнула, все еще пытаясь вырваться. Ксеон прижал ее своим телом, быстро огляделся, но как назло в кабинете не было ровным счетом ничего, чем можно было бы связать ненаследную принцессу. Взгляд зацепился за хлыст, тот самый отцовский хлыст, которым король лупил механоидов, а заодно и собственного старшего сына.

– Я тебя научу быть покорной, – прохрипел Ксеон.

Не разжимая пальцев, он за волосы подтащил хрипящую, всхлипывающую Льер к дивану, швырнул ее лицом вниз и одним движением разорвал на спине платье.

– Нееееет! – взвыла она.

Кажется, поняла наконец, что шутки закончились, и что имеет дело с королем, а не с мальчишкой, который будет терпеть ее выходки.

Хлыст удобно лег в руку. Короткий свист воздуха – и по белоснежной спине пролегла багровая полоска. И еще.

Он продолжал держать Льер за шею, вжимая голову в по-

душку. Она вскрикивала в голос, дергалась всем телом под ударами. Ксеон и бил-то далеко не в полную силу, так, проучить... а кожа у принцессы оказалась слишком нежной, слишком тонкой.

– Хватит с тебя, – выдохнул он, отбрасывая хлыст, – пока пять ударов, чтобы понимала, что можно говорить королю, а что – нет.

Она с трудом повернула голову, со свистом выдохнула:

– Какой же ты ублюдок... чтоб ты сдох!

– Видимо, мало, – подытожил Ксеон.

Потянулся к хлысту, но затем остановился. Прислушался к себе.

Теперь, глядя на обнаженную и исчерканную кровотокающими полосами спину, хотелось уже другого. И, не видя к тому никаких препятствий, он решительно перевернул Льер на спину и задрал ей подол. От вида ее искусанных в кровь губ и заплаканных глаз в бриджах стало невыносимо тесно. Ксеон дернул спереди корсет, затем нижнюю сорочку, обнажая совершенной формы грудь.

Льер молчала, мелко дрожала всем телом и молчала. Только ненависть во взгляде, от которой еще больше хочется взять, заклеить эту непокорную и своенравную женщину.

– Ты поняла, как себя вести? – прошептал он, замороженно глядя на розовые бусинки сосков.

Она молчала, выжигая на нем клеймо одним только взглядом.

– Не слышу ответа. – Шелковые панталоны разорвались с раздражающе-громким треском.

Льер ничего не сказала. По щеке вниз потекла капля крови из прокушенной губы.

– Женщина должна быть покорной, Льер, – поучающе заметил Ксеон, расстегивая бриджи, – покорной. Ты понимаешь, что значит это слово? Молчишь? Тоже неплохо.

Она была совершенно сухой и узкой, но в этом тоже была немалая доля удовольствия. Покорять, подчинять. Поставить на место.

Льер лежала под ним неподвижно, как неживая, и не разжала губ, когда он слизывал с них солоноватую кровь. Льер молчала, когда он с силой вбивался в нее, делая своей, унижая, давя последние крохи гордости ненаследной принцессы. И не издала ни звука, когда он, задыхаясь и хрипя от острого удовольствия, придавил ее своим телом.

– Я хочу, чтобы ты запомнила этот урок, – наконец сказал он, приводя в порядок одежду, – иди к себе, встретимся за ужином. И запомни. Ты здесь не дома. И то, станешь ли ты королевой, полностью зависит от моей на то воли.

Льер ничего не ответила, и от этого ее молчания внезапно накатил тошнотворный, липкий ужас. Внутренности сжались в ледяной ком, во рту сделалось приторно-сладко.

«Да что со мной?» – он передернул плечами.

В самом деле.

Еще он бабы не боялся.

– Иди, – повторил он, не глядя на Льер.

Она бесшумно поднялась с дивана, одернула подол и, как была, с исхлестанной спиной, вышла прочь.

«Надо бы и Шана убрать, – подумал Ксеон, усаживаясь обратно в кресло, – а еще хорошего лекаря надо. Все-таки незачем портить такую красивую спину».

У Ксеона был на примете один очень одаренный лекарь.

Но вот беда, Ксеон не был уверен в его лояльности спустя пять лет после определенных событий.

Эльвина привезли к обеду, когда на королевский письменный стол уже был водружен серебряный поднос, а там – изящные канапе с ветчиной и оливками, сыры всех пород и мастей, какие только производились в королевстве, полупрозрачные ломтики вяленого мяса, исходящий ароматным соком стейк. Венчала все это великолепиие бутылка красного эргерейского десятилетней выдержки.

По этикету нужно было обедать в Большой гостиной, но Ксеон, с наслаждением вытягивая ноги на пуфике, в который раз повторил себе, что он – король, и волен поступать так, как удобно. И плевать, что там по этому поводу написано в книге дворцового этикета.

Он плеснул себе вина, вдохнул свежий, немного терпкий аромат, который вобрал в себя и жаркие дни южных островов, и колкий ветер, что дует с заснеженных горных вершин, и запахи экзотических цветов, что цветут только душистыми

ночами.

В этот момент в кабинет ввели Эльвина Лаверна.

Ксеон с интересом посмотрел на бывшего приятеля и самого верного последователя и сделал большой глоток. Эргерейское скользнуло вниз по пищеводу, оставив во рту послевкусие жаркого лета и цветов. Прямо как Льер.

– Ваше величество, – Эльвин отвесил глубокий поклон по всем правилам, – я счастлив поздравить вас с началом правления. Да будет оно долгим и справедливым.

Ксеон еще раз оглядел мужчину. Весь вид Лаверна говорил о том, что дела у него полностью наладились: дорогая одежда, изящная булавка с крупным бриллиантом вколота в кружевное жабо, да и сам он как будто только что от куафера.

– Садись, Эльвин, – отбросив формальности, сказал Ксеон, – я тоже рад тебя видеть в добром здравии. Сейчас ты выглядишь куда лучше, чем в замке Энц.

Он взял второй бокал, налил вина и протянул тому, кто раньше был верным другом.

Кем он будет теперь? Вот ведь вопрос...

Между тем Эльвин присел на край кресла, взял бокал, посмотрел сквозь вино на свет.

– Эргерейское?

– Разумеется. Помнишь, мы ведь его вместе пили, – Ксеон доброжелательно улыбнулся, – тебя, выходит, отпустили из замка Энц сразу же, как я сбежал?

Эльвин пригубил из своего бокала, посмотрел задумчиво.

– Почему спрашиваете, ваше величество? Вы ведь и без того все знаете. Наверняка ведь это было первым, чем вы заинтересовались...

Ксеон взял канapé, затем подвинул блюдо к Эльвину.

– Угощайся. И как тебе... быть агентом инквизиции?

По лицу Лаверна скользнула едва заметная тень. Он одним большим глотком осушил бокал, покрутил в пальцах хрустальную витую ножку, и ответил, не глядя в лицо.

– У меня, ваше величество, тогда был выбор: либо дальше гнить в тюрьме, либо сделать вид, что согласился. Впрочем, лично вам не было никакого вреда от того, что я работал на инквизицию. Так что не стоит меня упрекать в том, что я променял вонючую клетку на более-менее приемлемые условия жизни.

– Понимаю, – протянул Ксеон.

Ему очень хотелось доверять Эльвину. Ведь Лаверн был одним из немногих, что всегда поддерживал его, Ксеона, идеи. Даже ту, блажную, о равенстве механоидов и людей, которая была придумана специально для таких вот восторженных мечтателей с горячим сердцем и полным отсутствием мозгов. Эльвин тогда без особых раздумий пошел за ним, прикрывал спину. Но не повезло, попался в когтистые лапы инквизиции.

– Ты по-прежнему предан мне? – спросил Ксеон, – видишь ли... твоё сотрудничество с инквизицией... Может, теперь ты полагаешь, что я во всем был неправ?

– Мы ведь говорили с вами в замке Энц, – Эльвин взял ломтик сыра, – еще тогда я сказал вам, что не изменил своей точки зрения на мироустройство. И теперь, когда вы стали королем Рехши, я буду надеяться на то, что механоиды перестанут быть бессловесными рабами, и что, коль скоро мы даем им жизнь и сознание, мы обязаны дать им и свободу выбора.

Ксеон невольно улыбнулся. Все-таки нет ничего лучше, чем преданный тебе идиот.

– Это произойдет не сразу, – заметил он, – необходимо, чтобы народ Рехши был готов к этому. Ну и потом, нужно будет дать механоидам место, где бы они могли жить. На это тоже потребуется время.

В голубых глазах Эльвина блеснул искренний восторг.

– Ради этого я готов на многое, ваше величество, – про-
бормотал он, – мне хочется, чтобы вы мне верили. Да, я был агентом инквизиции, но в душе...

– Наши души темны даже для нас самих, – сказал Ксеон, разливая вино по бокалам, – давай выпьем, мой преданный друг, за новые дела и за завершение старых.

Эргерейское таило в себе всю прелесть южных ночей, и Ксеон поймал себя на том, что непозволительно размяк и расслабился. А вот Эльвин – наоборот, сидел прямо, преданно заглядывал в глаза, но вместе с тем Ксеон так и не мог быть уверенным в том, что Лаверн в самом деле по-прежнему жаждет свободы механоидам.

Это ж каким дураком надо быть, чтобы верить в такие сказки?

Лаверн же производил впечатление человека неглупого.

Может быть, познакомить его с арсеналом инквизиции и ведением допроса?

Ксеон задумался. Да, конечно, Эльвина можно скрутить, жечь его каленым железом и клещами вытянуть правду. Но после этого – если он все-таки сейчас говорит правду – сложно будет вести речь о лояльности.

И тут Ксеону пришла в голову замечательная идея.

– Послушай, Эльвин, – сказал он, – до меня дошли слухи, что мастер Нирс успел жениться до того, как случайно погиб на полигоне.

– Да, это так, – Лаверн сдержанно кивнул.

– Я хочу увидеть ту женщину, что ухитрилась пленить нашего инквизитора.

В глазах Эльвина скользнуло странное выражение, которое слишком уж походило на холодную, расчетливую ненависть.

– Я уже побывал в особняке мастера Нирса. Вдова пропала бесследно. Прислуга сбилась с ног, разыскивая ее по городу. Возможно, ее уже нет среди живых, – ответил Лаверн.

– Хм...

Выходило как-то не очень хорошо. Только Ксеон задумался о том, что неплохо бы утешить вдовушку, как она вздумала исчезнуть, а может, и вовсе умереть. Поворот сюжета ока-

зался весьма неожиданным.

– Возможно, ей просто было куда пойти? – задумчиво произнес Ксеон, – возможно, она просто не хотела оставаться в доме, где все ей напоминало о мастере Нирсе.

– Я не знаю, ваше величество, – Эльвин все так же преданно смотрел в глаза, и ни тени сомнения не мелькнуло на его лице.

– Так узнай, дружище. Если ты хочешь, чтобы я доверял тебе как прежде, найди мне вдову мастера Нирса. Либо предоставь неоспоримые доказательства ее смерти.

Ему показалось, что Эльвин вздрогнул.

Неужели знает что-то такое, о чем не желает говорить?

И неужто теперь нет ни единой души, кому можно было бы довериться?

– Я выполню ваше поручение, – твердо сказал маг, – я переверну город вверх дном, и если жена Аламара Нирса мертва, то предоставлю ее тело. В противном случае, вы получите ее живой и невредимой.

– И готовой служить своему королю. Хорошо, Эльвин, я буду ждать. А теперь, дружище, есть для тебя работа. Видишь ли, наша будущая королева повредила спину... Надо бы подлечить...

Эльвин вскочил на ноги, оправил сюртук.

– Я готов, ваше величество!

Ксеон прищурился.

Лаверн выглядел слишком преданным, слишком чест-

ным... Слишком. И это не могло не настораживать.

С другой стороны, если он и правда разыщет жену Аламара, да еще и притащит ее во дворец, это будет говорить о том, что он не был слишком предан верховному инквизитору, раз уж отдает милую женушку в лапы заклятому врагу.

...Потом, когда Эльвин удалился в покои Льер, он долго мерил шагами кабинет. Спокойствия в душе не было, хоть тресни, и это невзирая на то, что все идет хорошо.

Да еще Эльвин напомнил про эти безумные идеи дать механоидам свободу...

Когда придумывал все это, и в мыслях не было, что кто-то подхватит саму идею приравнять людей и ими же созданных тварей. Но, выходит, порой зерна падали в плодородную почву и давали всходы – примерно, как в случае с Лаверном. Ведь именно поэтому целитель прикрывал спину своему принцу пять лет назад, именно потому, что верил: Ксеон печется о несчастных тварях.

«Глупости какие, – подумал Ксеон, – но ведь с этим придется что-то делать».

Душевное равновесие улетучилось окончательно. Теперь накатывало бешенство, холодное, безысходное. Хотелось что-нибудь разбить, сломать, растоптать. Внезапно стало душно, как будто и этот роскошный королевский кабинет был всего лишь очередной тюрьмой. И как будто не изменилось ничего: сперва затворник во дворце, потом – в замке Энц, и снова во дворце.

Ксеон выругался.

Надо что-то делать...

Он взял со стола магкристалл в ажурной кованой корзиночке и вихрем вылетел из кабинета. За ним пристроился было гвардеец, но Ксеон лишь рукой махнул – мол, стой где стоишь, сам обойдусь.

Он вышел на боковую лестницу, устланную синей ковровой дорожкой, и поспешил вниз. Вниз, вниз и вниз.

На первом уровне подвала ковровые дорожки закончились. Когда строили дворец, возвели его поверх казематов древнего замка, который принадлежал чуть ли не айхи и был разрушен землетрясением.

Сюда не проникал свет. Здесь было темно и холодно, а стены, казалось, до сих пор отражают стоны замученных узников.

Ксеон поднял повыше фонарь и пошел дальше, напряженно вслушиваясь в редкие звуки капающей воды. Пульс бухал в висках, и вместе с тем сердце замирало в сладком предвкушении.

Наконец он остановился перед низкой дверью, запертой снаружи на засов. Повесил фонарь на крюк, затем отодвинул заслонку смотрового оконца. Внутри Ксеон не увидел ничего, кроме кромешного, до тошноты, мрака.

– Эй, – сказал громко, – ты еще не сдох?

Тишина в ответ. А потом – едва слышимый звук, шкрябнуло железом по камню.

– Жив, значит, – удовлетворенно заметил Ксеон, – а я тут обустроился во дворце. Дал задание разыскать твою жену. Надо же утешить вдовушку.

Снова тишина. Ксеон даже дыхание затаил, в надежде слышать хоть что-то.

Он испытал сильное желание поднять засов, войти в камеру и отвести душу, переломав узнику те ребра, что остались целыми.

Впрочем, Ксеон знал, что скоро кости срастутся. По периметру камеры были щедро разложены артефакты, изготовленные Мельхольмом, и они-то медленно исцеляли изломанное тело.

Так и не дождавшись ответа, Ксеон сказал в темноту:

– Она быстро найдет утешение, даже не сомневайся. Неужели ты думаешь, что она могла любить... тебя? Брось, кто может полюбить такое чудовище, как ты? А я... пожалуй, может случиться, что я буду в ее вкусе.

Что-то слабо звякнуло во мраке, и Ксеон не сдержал торжествующей улыбки.

Аламар Нирс прекрасно все слышал, и наверняка столь же прекрасно осознавал всю безнадежность своего положения.

Глава 3. Крысиный король

Она невесомо покачивалась на мягких, шепчущих волнах. Ее медленно несла большая и спокойная река, из темноты и небытия – в такую же непроглядную темень, пропахшую сырыми шкурами, дымом и пригоревшей пищей. Что-

то ощутило придавило ее сверху, большое, теплое, мягкое. По телу прошла дрожь, и беспамятство окончательно отступило, дергая в разные стороны занавес и вышвыривая в так и не окончившийся кошмар.

Вопль застрял в горле. Безумно шаря взглядом во мраке, Дани с трудом разглядела низкий потолок, темную, закопченную стену и бледный, тонуший в темноте огонек магкристалла, накрытый сверху тряпкой.

Она пошарила руками вокруг себя, пальцы встречали мех. Такое впечатление, что она лежала среди шуб и шубой же укрытая.

«Где же я? Всеблагой, только не у них... только не с ними...»

Городские крысы утащили ее в свое логово. Наверняка изнасиловали, а потом решили, что можно забавляться и дальше. Дани прислушалась к собственному телу – ничего не болело. Нигде. Значило ли это, что они решили подождать, пока лакомый кусочек придет в чувство?

Она до крови закусила губу, чтобы не заорать от накатившего ужаса, дикого, животного. Что с ней теперь будет?

«Не хочу... Не хочууууу!»

Дани вдруг замерла. Запоздало пришло понимание, что рядом кто-то дышит, спокойно и размеренно. Стараясь не делать резких движений, она повернулась к источнику звука. Не разобрать было, кто там, но этот «кто-то» был очень близко. А потом... То тяжелое, что придавливало ее сверху,

шевелинулось. Рука! Всеблагий, да это же огромная, тяжелая ручища!

Дани взвизгнула и, взбрыкнув, скатилась на пол. Ее оставили в одной нижней сорочке, понятно, для чего. Все мысли куда-то разом делись, остался только страх, мерзкий, лишаящий силы, царапающий внутренности ледяными когтями.

Среди шкур заворчалось нечто огромное.

Перед глазами снова замелькала серая тряпка приближающегося обморока.

Опереться о стену... Только подальше, еще дальше...

– Какого темного? – в тишине раскатистый бас ударил по ушам так, что захотелось зажать их.

Да и вообще, оглохнуть, ослепнуть, умереть... Лишь бы только не то, для чего ее сюда притащили.

Зашуршало, зашевелилось во мраке, а в следующий миг с магкрystalла сдернули покров.

Дани забыла, как дышать. Судорожно хватая ртом душный воздух, она смотрела – и не могла отвести взгляда – от того, как с ложа с ворохом шкур медленно поднимается мужчина.

Его образ, похоже, намертво впечатался в сознание: огромный, состоящий из одних бугрящихся мускулов. Широкая грудь, густо поросшая черными курчавыми волосами. Всклокоченная короткая борода, и такие же спутанные волосы, из-под которых угрожающе блестят темные глаза.

Самое ужасное, он был в одних бриджах, и вот они-то

очень красноречиво обрисовывали каждый дюйм его мощных бедер. Выразительная выпуклость ширинки довольно красноречиво намекала на то, чего бы ему на данный момент хотелось.

«Умереть, – юркой рыбкой мелькнула мысль, – лучше сдохнуть. Вот для чего я здесь».

Несколько мгновений он молча взирал на Дани, а потом вздохнул, уселся обратно на кровать и похлопал рядом с собой ладонью.

– Иди сюда.

– Н-нет. Лучше убейте, – она замотала головой.

Мужчина еще раз вздохнул, тряхнул головой, отбрасывая назад спутанную шевелюру, и Дани его узнала. Это он был там, в проулке, когда на нее напали.

– Дурочка, – сказал он, – я тебя не трону, не бойся. На тебя смотреть жалко, не то что предаваться радостям любви.

– З-зачем я... здесь? – слова с хрипом выползли из горла, и дышать было невообразимо тяжело.

– Зачем? – он пожал плечами, – я ж говорю, мне тебя жалко стало. Отогнал своих крысят. А ты была такая неподвижная, такая холодная, что пришлось тебя греть.

Дани с сомнением посмотрела на медведя. Потом на ворох шкур. Неужели правду говорит? Затем все же выдохнула:

– Я... не верю вам. Крысы никого не жалеют.

Он вздернул широкую бровь.

– Отчего же? Тебе вот повезло.

– И что ж вы, у своих дружков такой лакомый кусок отняли? – она горько улыбнулась.

– Во-первых, – медведь ухмыльнулся, – они мне не дружки. А во-вторых, я много чего могу себе позволить, цыпленочек. Ты даже не представляешь, насколько оказалась везучей.

Дани вдохнула поглубже. Происходящее выглядело совершенно фантастично. Могла ли она надеяться на такую удачу?

– Тогда... раз так... вы вернете мне одежду? – тихо спросила она.

– Да забирай, не нужна она мне. – Кивок в сторону.

Дани проследила за его взглядом: рядом с кроватью стояли грубо вытесанный стол и пара стульев. На спинке одного из них висело ее платье, поверх другого была аккуратно развешена шубка.

– Всеблагий, – пробормотала она, кидаясь к одежде.

Казалось, что только затаившись в глухое шерстяное платье, она окажется в относительной безопасности.

– Эй, цыпленочек, – протянул недовольно медведь, – а мне ты ничего сказать не хочешь?

Мысленно стукнув себя по лбу, Дани обернулась.

– Спасибо. Огромное спасибо вам. Вы меня спасли, так жаль, что мне совершенно нечем отблагодарить...

– Ну, отблагодарить-то всегда есть чем, если ты, конечно, не девица. Не люблю девиц, они деревянные, лежат брев-

ном, – заметил он.

Дани выронила из рук платье.

– Не надо... пожалуйста. Я буду молиться Всеблагому о вашем здравии, только отпустите меня... пожалуйста...

Медведь хмыкнул. Потом встал с кровати и, чуть пригибая голову, чтобы не задевать потолок, принялся одеваться. Накинул рубашку, затем неторопливо нашарил на полу мягкие туфли. Вконец растерявшись, Дани подобрала платье, нырнула в его спасительную глубину и почувствовала себя увереннее. Блеснула слабая надежда на то, что это ее приключение закончится удачно.

– Кулон свой заberi, – спокойно сказал он, – на столе лежит.

Дани глянула – и правда, серебряная резная слеза, купленная Аламаром, была там. Только в месте, где цепочка порвалась, было со знанием дела наверчено медной проволоки.

– Ну, извини, я не ювелир, – развел ручищами медведь, – прислугу пошлешь, они отнесут мастеру.

– Спасибо, – на глаза навернулись слезы, – я сама отнесу. У меня нет прислуги.

– Да ну, врешь небось, – в голосе появилось сомнение, – чтоб такой хорошо одетый цыпленочек и без прислуги?

Он вдруг резко умолк, почесал переносицу, затем внимательно посмотрел на Дани. А она внезапно подумала, что не такая уж у него зверская рожа. Вполне себе обычное лицо, только бородой заросшее почти до глаз.

– А скажи-ка, цыпленочек, почему ты шла совершенно одна? Одна по городу, только что пережившему нападение этой механической дряни? Где твой отец? Муж? Брат? Почему не сопроводили тебя?

Дани застегнула цепочку на шее, бездумно погладила серебряную слезу.

– Моего мужа убили механоиды, – сказала она, – и у меня больше никого нет. Вернее, у меня есть дом, но родственников нет.

– Дери тебя темнейший! – мужчина высказал свое отношение к происходящему, – ну да все равно, чего шлялась по улицам? Все еще по домам сидели, тебя же понесла нелегкая...

Дани наклонилась, увидела свои туфельки и обулась.

– Я устроилась на работу в магазин и даже добыла немного еды. И шла домой, чтобы поесть спокойно.

– То есть у тебя дома не было еды, – уточнил он.

– Да, не было. Мне очень хотелось есть, я уже второй день как ничего не ела.

– Твою мать. Цыпленочек, ты решила, видимо, известить меня.

Он отодвинул стул.

– Давай, садись. Садись, сказал!

Дани осторожно присела. В душе снова шевельнулся страх – что он там еще задумал?

Медведь шагнул к двери, распахнул ее и зычно гаркнул:

– Пузатый! Пузатый, жрать подавай! Да что-нибудь изысканное, для дамы!

Подмигнул Дани.

– Сейчас поешь, цыпленок. Кто ж мог думать, что у тебя все настолько плохо...

– Вы могли меня просто убить в том проулке, – тихо заметила она, опустив глаза.

– Но не убили. Я ж говорю, везучая. Меня, кстати, Роем кличут. Старина Рой, любому скажи в этом городе, и перед тобой будут открыты все двери. Не дворцов, конечно, но все же...

– Меня зовут Дани, – она положила руки на стол. Ощущение теплого дерева под ладонями навеяло совершенно неуместное ощущение уюта и защищенности.

– Будем знакомы, крошка!

И он протянул ей широкую, словно лопата, ручищу. Дани осторожно вложила в нее пальцы, Рой также осторожно пожал их, а потом добавил:

– Ты мне нравишься, цыпленок. Может быть, когда оплачешь своего мужа, найдешь во мне утешение?

– Я не знаю, – сказала она строго, – боюсь, что я нескоро буду вообще искать какого-либо утешения.

– Любила его? – черные брови насупились.

Дани поежилась и поняла, что вот сейчас скажет самую большую глупость за последний час:

– Я не знаю... Рой. Возможно, если бы мы пробыли вместе

чуть дольше, я бы любила его без памяти. А так... видимо, я просто не успела. Мне так жаль, что я не успела... если бы он был жив, то я бы сделала все, чтобы он обрел, наконец, счастье, а так...

И. не удержавшись, всхлипнула.

– Ты успела его полюбить, – уверенно сказал мужчина, – хоть и сомневаешься. Но у тебя все в глазах, Дани. Жаль, что его убили, наверняка был хороший мужик.

– Да, – эхом отозвалась она, – он был...

И умолкла, не зная, что и сказать. Да и зачем?

Аламар Нирс пламенеющей чертой пересек ее жизнь и исчез, канул в небытие – как гаснет упавший в воду уголек.

– Ну, – прервал молчание Рой, – все проходит, цыпленочек. Никуда не денешься.

В этот момент с треском распахнулась дверь, и в комнату вплыл кругленький аккуратно одетый человечек с напомаженными волосами.

– Ужин для Его Величества!

«Его Величества?» – взгляд метнулся к Рою.

Он ведь... не был ни Маттиасом, ни Шедаром, ни Ксеоном.

– Крысиный король, – хмуро пояснил он, – слыхала, небось?

Дани почувствовала, как на шее все туже и туже затягивается несуществующая удавка. Слышала ли она? Конечно. И когда жила на улице, и раньше, когда еще была под присмот-

ром тетки. Много чего говорили об этом человеке с тысячью лиц: и то, что он может сбежать из любой тюрьмы, и то, что способен ограбить любой дворец. Но самыми частыми были, конечно же, рассказы о том, кого и как казнил Крысиный король, и чьи кишки развешаны по ограде того или иного особняка.

– Ох, цыпленочек, – он вздохнул, – какая ты еще... маленькая и невинная. Не надо много думать. Просто ешь.

Перед Дани поставили блюдо с тушеной капустой и кусками свинины.

– Ты уж прости, – сказал Рой, – пирог твой по земле поваляли. Ты ешь, а потом я тебя домой провожу. И с собой еды дам, простецкой, уж не взыщи...

Дани подцепила ложкой кусок свинины. Пахло просто изумительно. Как же давно она не ела!

– Спасибо, – пробормотала она с набитым ртом, – спасибо вам, Рой.

– Найдешь, как отблагодарить, – он криво ухмыльнулся, – везучий цыпленочек...

Рой в самом деле взялся провожать ее до дома, но его жилище Дани покидала с завязанными глазами. Ведь никто не должен знать, где на самом деле обитает Крысиный король. Некоторое время они шли, и Рой придерживал ее за плечи, направляя и подсказывая, где лестница, где порог, а где просто яма. Потом он снял повязку, и Дани поняла, что они уже

неподалеку от главной городской площади. Отсюда до ее дома было рукой подать.

Стояла глубокая ночь. Приморозило, под ногами хрустел ледок, а с неба срывались редкие снежинки. На улицах было пустынно и тихо, и Дани казалось, что они с Роем совсем одни в этом мире. Душа рвалась на части от непонятной грусти, глубокая тоска пустила крепкие корни, оплела сердце. И Дани вспомнила – «Я очень, очень устал. Помоги мне, Данивьен Ардо. У меня... больше нет никого. Только ты, моя жена».

«Почему ты не отпускаешь меня? – Подумала она, обращаясь к той тьме и небытию, где должен был находиться Аламар Нирс, – а если не отпускаешь, то и возвращался бы...»

Нос защипало от внезапно набежавших слез, и Дани торопливо вытерла уголки глаз. Ей очень не хотелось, чтобы Рой заметил ее жест, но он все же заметил.

– Тоскуешь по своему мужу, да, цыпленок?

Она кивнула. Толку-то отрицать очевидное. И сказала:

– Мне почему-то кажется, что он где-то рядом.

Рой помолчал.

– Как он погиб?

– Я не видела, – вздохнула Дани, – мне сказали, что он умер.

– То есть, мертвым ты его не видела, – уточнил Рой.

Она покачала головой.

– Знаешь, цыпленочек, я не хочу давать тебе пустую на-

дежду, но бывает и так, что люди ошибаются.

Надежда все же взметнулась в душе, рассыпалась пузырьками игристого вина.

– Вы думаете, он жив?

– Я ничего не думаю, – Рой помолчал, – я лишь говорю, что если ты сама не видела его тела, то возможно... всякое.

– Но его, скорее всего, растерзали механоиды, – пробормотала Дани, – я не смогу найти...

И умолкла. Ощущение Аламара сделалось совсем тяжелым, давящим. Казалось, обернись – и увидишь черную фигуру за спиной. Она потрясла головой. От таких наваждений становилось немного страшно, и Дани начинало казаться, что она попросту сходит с ума.

Они перешли дорогу и остановились перед особняком с горгульями.

– Куда дальше? – мягко спросил мужчина, озираясь по сторонам.

– Мы пришли.

– Ого! – он усмехнулся, – да ты у нас богатенький цыпленочек? Не шутишь? Это в самом деле твой дом?

– Мне его купил муж.

Дани погладила чугунные завитки калитки, толкнула ее – та легко отворилась. Прикрыв глаза, Дани несколько мгновений прислушивалась, пытаясь почувствовать свой живой домик – и наконец ощутила невесомое, теплое касание. Невидимые пальцы гладили ее лицо, зарывались в растрепанные

ВОЛОСЫ.

«Я пришла. Прости, что задержалась».

– Какие чудовища, – Рой указал на горгулий, – слушай, цыпленок, а можно мне заглянуть? Дико любопытно посмотреть, как живут богатые люди этого города.

– Я не богатый человек. Завтра утром я пойду работать, чтобы было что поесть, – усмехнулась Дани, – пойдем, покажу тебе свой дом.

Она взяла Роя за руку и повела за собой. Он шел молча и как будто чего-то опасался, то и дело бросал нервный взгляд на застывших горгулий.

– Всеблагой... Дани, почему мне кажется, что эти твари сейчас слезут со своих постаментов и меня сожрут?

– Потому что ты чужой этому дому, – она пожала плечами, – знаешь, тебе я наверное могу сказать... Муж говорил, что я своей магией могла оживить дом, и теперь он попросту не принимает никого, кроме меня...

– Так ты магичка, что ли? – искреннее недоумение в голосе, – а что ж в том проулке головы нам не поотрывала?

– Я не умею, – честно призналась Дани и умолкла.

Корзинка с едой, что принес Кио, все еще стояла на крыльце, но Дани сделала вид, что не замечает ее. А Рой промолчал, все его внимание было приковано к горгульям. Она открыла дверь и прошла внутрь, все так же придерживая Роя за руку. Пальцы у него были горячими и мозолистыми, как у человека, умеющего обращаться с оружием да и вообще

привыкшего к труду. Оказавшись в холле, Рой только присвистнул.

– Цыпленочек, ты живешь еще хуже, чем я. Тут даже не топлено!

Он упер руки в бока и стоял, осматриваясь. Затем внимательно поглядел на Дани.

– Я-то думал, тут будет все сплошь в позолоте. Нет, я бы ничего не взял отсюда, но ты же тут замерзнешь. Может, вернемся ко мне?

И хитро сверкнул глазищами.

Дани лишь пожала плечами.

– Ничего. У меня теперь есть работа, я справлюсь. И... спасибо за все.

Рой все еще топтался, оглядывая помещение. Его взгляд подолгу задерживался на печально повисших лохмотьях паутины, на побитых плесенью и отставших от стен обоях, и Дани отчего-то стало стыдно. Как будто это ее вина, что дом пришел в такое отвратительное состояние.

– Муж обещал, что мы здесь все починим, – сказала она, – но, видишь, не успели.

– Муж, который покупает жене дома... – взгляд Роя сделался цепким, внимательным, и Дани вдруг подумала, что не одной физической силой Крысиный король держится на троне, – кем был твой муж, Дани? Может, скажешь?

– Отчего же не сказать. Его звали Аламар Нирс.

– Тьфу ты, претемнейший! – Рой внезапно рассмеялся, –

теперь я даже рад, что не прикоснулся к тебе, цыпленочек. Верховный инквизитор меня точно достал бы и с того света!

Дани вздохнула. Вот уж ей было совсем не смешно.

– Да, мастер Нирс был очень крут, – Рой прошелся туда-сюда, – уважаемый человек был... или есть, мы же не видели его тела, а, цыпленочек?

– Лучше не мечтать, – сказала она, – потому что потом будет слишком больно. Еще больнее, чем сейчас.

Рой почему-то улыбался, но улыбка эта пряталась в бороде.

– Так. Цыпленочек, я сейчас уйду, но еще вернусь. Открой мне, хорошо?

Он еще раз огляделся, потом вручил Дани сверток с едой.

– В общем, жди. Я скоро.

И ушел, аккуратно притворив за собой дверь. Дани осталась стоять посреди холла, прижимая к груди хрустящий пакет, добротнo перевязанный тонкой бечевкой. От него пахло свежеиспеченным хлебом и совсем немного – копченостями. Пахло приятно, но почему-то снова к горлу подкатила предательская тошнота, а пальцы сделались ледяными.

«На воздух», – успела подумать Дани, положила сверток на пол и метнулась прочь из дома.

Подышала глубоко ночной морозной свежестью. Полегчало. Предательская рябь перед глазами исчезла.

Наверное, стоит дожидаться Роя здесь, у калитки. Уж как-нибудь не замерзнет, тем более, что снова на плечах шубка...

Крысиный король все вернул. Даже монетка в кармане болталась по-прежнему.

Дани задумалась. Что дальше? С одной стороны, столь пристальное внимание некоронованного повелителя городских крыс не радовало. Она ведь не дура, понимает, что дело вовсе не в везении, а в том, что этот мужчина разглядел в ней привлекательную женщину. Потому-то и защитил, и возит-ся. Рано или поздно придется что-то ему ответить, а интуиция подсказывала Дани, что Рой не примет простого «нет».

Наверное, от внимания Роя надо было бежать, чем дальше, тем лучше. Но куда? Вернуться в особняк? Это мало что поменяет, Крысиный король разыщет ее и там. Уехать в другой город? Не самая лучшая идея. Ей-то и здесь непросто, а там, что ждет там?

С другой стороны, пока что Рой вел себя как джентльмен. Насколько его хватит? Неведомо.

«А не стать ли тебе Крысиной королевой, Данивьен Ардо?» – она горько усмехнулась.

Не этого ей хотелось.

Все время вспоминались мягкие, вкрадчивые прикосновения того, кого она успела простить, но не успела полюбить по-настоящему.

– Аламар, – прошептала Дани в тишину ночных улиц, – если ты жив, почему не даешь о себе знать?

Дани все стояла у калитки и ждала, когда вернется Рой. Ей были хорошо видны дома через дорогу, высокие, сложен-

ные из светлого камня. Кое-где в окнах теплились огоньки магкристаллов.

А потом вдруг услышала.

Кто-то мерно скреб железом по камню. Сперва далеко, едва слышно, а потом все ближе, и ближе... Ноги как будто приросли к земле. Во рту моментально собралась кислая слюна, Дани судорожно сглотнула. Взгляд словно прилип к углу дома, откуда, как ей казалось, доносилось это шкряб-шкряб-цок-цок, хотя, конечно же, было нужно бежать без оглядки.

Вот в просвет между домами высунулась хищная морда, похожая на тигриную. Конечно, Дани в жизни не видела тигра, но то, как они выглядят, все же знала. И, само собой, эта тварь не была тигром и даже не была живой. В темноте мелькнуло гибкое, созданное магом-конструктором тело. Сочленения прилегали друг к другу идеально, создавая впечатление целостности. Блик лунного света скользнул по крутым металлическим бокам. Глаза чудовища загорелись, словно уголья.

«Как странно, – подумала она, – механоиды разгуливают по городу. Ксеону не хватает силы их контролировать?»

Механический тигр меж тем огляделся, увидел Дани. Оскалился, демонстрируя двойной ряд стальных зубов, подобрался и стал очень похож на огромную кошку, которая увидела мышь и готовится к прыжку. Понятно, кто сейчас был мышью...

Дани прикусила губу, и боль отрезвила. Тело все еще казалось ватным и неуклюжим, но мысли очистились, страх пропал.

«Он меня не тронет», – решила она, стискивая пальцы на чугунной решетке.

В конце концов, это ведь не первая ее встреча с механоидами. И она, как ни крути, темная ведьма с Даром менталиста.

Внезапно тигр шевельнул ушами и совершенно неслышно, что было невероятно для столь большого и тяжелого магического создания, шмыгнул в тень дома. Дани растерянно глянула в противоположную сторону улицы, и теперь уже на самом деле испугалась.

Там, не таясь, к ней спешил Рой, она его узнала в потемках по громоздкой куртке и взлохмаченной шевелюре. Все же он очень походил на медведя, очень.

На другом конце улицы снова шкрябнуло по камням.

Тигр... охотился?

Но ведь тогда...

Дани вдохнула поглубже. Руки предательски затряслись. Если механоид вышел на ночную охоту, то сейчас он попросту бросится на человека.

– Рой! – крикнула она, – стой там! Не подходи!

Рванула на себя калитку, выскочила на улицу и что есть мочи припустила к мужчине.

– Цыпленок! – он замедлил шаг, затем и вовсе остановил-

ся, – что случилось?

За спиной шкрябнуло. А потом – клац-клац-клац, когтями по мостовой.

– Дани! – рявкнул Рой, – скорее, сюда!

«Он меня не тронет. А тебя – очень даже!»

– Я сейчас, – пискнула она. Давясь собственным сбившимся от страха дыханием, – сейчас!

Громадная фигура Роя приближалась. Дани казалось, что она даже может разглядеть его глаза, такие же черные, как окружающая его тьма. А потом вдруг что-то пронеслось у нее над головой, и металлическая смерть ударила в грудь Рою, заваливая того на спину, сминая...

– Стооой! – завопила Дани во всю силу легких, – не смей! Не смей!

А у самой перед глазами то, как кинжалоподобные зубы смыкаются на горле Роя, перекусывая, выдирают куски плоти...

Всхлипывая, Дани подскочила к тигру, вцепилась в его холодный хвост из мелких сочленений и изо всех сил дернула на себя.

– Пошел! Вон! Отойди!

В голове – взрыв боли. Она ввинчивается в виски, словно ржавое сверло, стены домов ведет, они кривятся, раздуваются цветными пузырями.

И все внезапно прекратилось. Как будто во сне, Дани увидела алую паутину, пронизавшую темноту, паутина эта лип-

ла к серому, матово блестящему телу тигра – и как ни странно, исходила от нее самой.

– Отойди... – выдохнула растерянно.

Интуитивно дернула вязкие, глянцево блестящие нити на себя.

Механоид сел на задние лапы, обернулся к ней. Алый свет в его глазницах погас, уступая место зеленому.

– Ты... – услышала Дани, – я тебя понимаю.

– Вот и пошел вон отсюда, – не церемонясь, прикрикнула она, – дай пройти!

– Запомню... тебя...

Но она уже не слушала, подскочила к Рою, бросилась на колени.

– Рой, Рой! Ты как?

– Да как... хреново, цыпленочек, – сипло отозвался мужчина.

Он сел на мостовой, прижимая к груди руку. Даже в темноте было видно, как стремительно наливается кровью рукав куртки.

– Еле горло успел закрыть, – сказал он, – но, дери меня претемнейший в задницу, что делает механоид на улице? Раньше такого не было. Никогда.

А потом уставился на Дани так, словно видел впервые.

– И он тебя послушался, крошка. Это значит, что ты...

– Да, дикая ведьма с темным даром, – пробормотала Дани, – поднимайся, пойдём в дом. Руку надо перевязать.

Покосилась на тигра. Тварь смирно сидела, сверкая в темноте изумрудными глазищами.

– Иди, – вслух сказала Дани, – иди к хозяину. Нечего по улицам шастать.

«Ты моя хозяйка».

Фыркнув, она отвернулась, помогая Рою подняться.

– Тогда хотя бы не мешай. Уйди с дороги.

Тигр бесшумно поднялся и отошел в сторону.

«И что мне теперь со всем этим делать?»

Она не знала. Знала, что нужно как-то остановить кровотечение, у Роя рукав набух кровью. Знала, что Крысиного короля нужно довести до дома и уложить куда-нибудь...

«Если Ксеон не досчитается механоида, он начнет его разыскивать и в итоге придет ко мне», – подумала она.

– Поднимайся, идем в дом, – а это уже Рою.

– Вот и отблагодарила, – хмыкнул мужчина, – теперь ты мне жизнь спасла, цыпленочек... А я тебе обогревающие магкристаллы нес. Хорошо, что донес... Теперь, значит, по ночам можно кого угодно на улице встретить...

Он внезапно хохотнул.

– Ну надо же... Темная ведьма – жена верховного инквизитора. Цыпленочек, я жил очень скучно, до тех пор, пока не встретил тебя...

На рассвете Дани проводила Роя до калитки. Его перекушенная рука, зажатая в лубки и перевязанная подолом

дамской нижней сорочки, безжизненно висела. Рой бледнел, быстро вытирал пот со лба и через силу улыбался.

– Это ничего, цыпленочек, и не такое бывало. У меня есть лекарь, слабенький, но все же маг. Так что к вечеру я буду как новый, ни о чем не беспокойся.

– Ты придешь? – только и спросила Дани.

Не потому, что желала встречи, а просто потому, что хотела знать, чего ожидать.

– Если тебя надо согреть, то обязательно, – он подмигнул, – как я могу бросить такого замечательного цыпленка, который в состоянии отогнать взбесившегося механоида?

– Хорошо, – ответила она, – тогда я тебе открою.

– И не спускай на меня этих каменных монстров. Каждый раз, когда я на них смотрю, у меня сердце в желудок прыгает.

Дани долго стояла, обхватив себя за плечи и провожая его взглядом. С утра по городу полз туман, словно взболтанное прокисшее молоко, оседал всюду крупными размазанными в воздухе хлопьями. Сизое небо постепенно светлело, наливаясь привычным зимним жемчужно-серым цветом. И гигантская фигура Роя таяла, растворялась в тумане, чтобы и во все исчезнуть – как будто и не было ничего, как будто все оказалось сном.

Дани поежилась, медленно побрела обратно к дому. И отчего-то ничуть не удивилась, когда за спиной что-то клацнуло и зашелестело.

Она обернулась. Тигр стоял поперек дорожки, длинный

хвост изгибался туда-сюда, совсем как у рассерженного кота. Туман оседал крошечными каплями на металлических сочленениях, создавая впечатление самого настоящего меха.

«Как странно, – подумала Дани, – он ведь может переломить меня одним ударом лапы. А мне не страшно. Я как будто точно знаю о том, что ничего дурного он мне не сделает».

– Чего тебе? – вслух спросила она, – иди к своим, к своему хозяину. Тебе не нужно здесь быть.

Тигр оскалился и как будто глухо зарычал – внутри него закрутились шестерни, издавая низкий вибрирующий звук. Страшная, явно увеличенных размеров морда приблизилась, почти касаясь лица. Дани ощутила кожей холод металла, но не сделала ни шагу назад.

Всего на миг она позволила себе прикрыть глаза. И снова наслаивалось на реальность видение – тонкая, но прочная алая паутина, связавшая ее и механоида. Дани вздохнула. Похоже, то, что раньше она делала совершенно неосознанно, наконец начало обретать внятную форму. Ту форму, которой управляет маг с Даром.

«Интересно, они в самом деле разумны, механоиды?»

– Ну, хорошо, – сказала она. Дыхание вырывалось легкими облачками пара и касалось полированного металла, – чего ты хочешь?

И прислушалась. Если лациум дарует механоидам хотя бы каплю разума, то должен быть и способ поговорить с ними.

Сперва ничего не происходило, а потом она ощутила лег-

кое касание в области солнечного сплетения. Так, словно ее погладила мягкая кошачья лапа. Изумрудные глаза чудовища полыхнули и тут же погасли, остался лишь чистый зеленый цвет летней травы.

– Чего же ты хочешь? – повторила Дани, ежась от утренней прохлады. Стоять в легких туфельках на льду было зябко.

«Хозяйка», – невнятный шепот в ушах, распадающийся на шелест ветра в древесных кронах, на шорох волн, лижущих гальку.

«Неужто и впрямь разумны?»

И Дани подумала – вот бы узнать, а что чувствуют механоиды, находясь под властью лациума? Осознают ли происходящее? Да и вообще, отчего идут на зов менталистов?

– Ты меня понимаешь? – поинтересовалась она. И вновь прислушалась.

Ответ пришел на диво быстро, снова прикосновение мягкой кошачьей лапы и быстрое «да, хозяйка».

– Я не могу тебя здесь держать, – Дани развела руками, – но если хочешь, ты всегда можешь прийти в гости.

Чудовище село на задние лапы, склонило угловатую голову к плечу, как будто размышляя.

«Если я вернусь туда, где все, ты уже не будешь моей хозяйкой», – медленно, подбирая каждое слово, произнес механоид. Естественно, слышала его только Дани.

– А что, тебе не нравится принц Ксеон?

«Лучше, чем Маттиас, но... ты мне еще больше нравишься. Я хочу, чтобы ты была хозяйкой».

– А без хозяев ты не можешь, что ли?

«Без хозяев мы перестаем существовать».

– Хм, – она почесала подбородок, – ну хорошо. Ты ведь не ешь, так? Раз не хочешь возвращаться, то, пожалуй, я могу тебя пустить в дом. Но обещай, что будешь сидеть тихо-тихо, и на улицу не высовываться.

Чтобы впустить тигра, пришлось распахнуть обе створки дверей. Мелькнула задорная мысль о том, что на таком тигре можно было бы и покататься. Ведь покатает, даже с удовольствием! Дани тут же одернула себя – не время для развлечений. Нужно привести себя в порядок и отправляться на работу, Хельгерда ведь будет ждать.

Она указала механоиду на место рядом с пустым и холодным камином.

– Вот. Здесь ты можешь меня дожидаться. Но если тебя позовет предыдущий хозяин, тебе следует идти.

«Почему?»

– Потому что тогда он поймет, что в городе есть еще кто-то, кто имеет власть над вами. А мне бы очень не хотелось пока что попадаться на глаза принцу Ксеону. Мне вообще не хочется его видеть, после всего, что он натворил.

Тигр, тихо звякнув о каменные плиты, улегся, заняв все свободное пространство на полу.

Дани только головой покачала.

– Как мне тебя называть?

«Я не знаю».

– Ну, хорошо. Ты мальчик или девочка?

«Не знаю. Но хочу быть как ты».

– В самом деле, вряд ли у механоидов есть деление на мужчин и женщин, – пробормотала Дани, – но если ты хочешь быть девочкой, тогда я назову тебя... Розетта.

«Розетта».

Внутри металлического корпуса зарождалось нечто, весьма напоминающее урчание довольной кошки.

– Отлично, – сказала Дани, – если тебе нравится, то будешь Розеттой. Сейчас мне нужно уйти, а вернусь я вечером. Только пожалуйста, никого не растерзай до моего возвращения. А я вернусь, и мы будем сидеть вместе и разговаривать. Ну, если захочешь.

А потом любопытство взяло верх.

Ведь еще только раннее утро, вряд ли Хельгерда открывает свой магазин так рано. А если идти быстро, то она доберется до магазина ко времени.

– Послушай, Розетта, – Дани опустила ладонь на широкий лоб чудовища и легонько погладила, – если ты со мной так хорошо разговариваешь, не ответишь ли на один вопрос?

«Спрашивай, хозяйка».

– Ты очень хорошая девочка. Настоящая леди, – хитро начала Дани, – скажи, почему вы убили столько людей? Когда вошли в город?

Розета помолчала, а затем тяжело опустила голову на передние лапы.

«Это сложно объяснить, – зашелестело в сознании, – когда мы обретали себя и впервые открывали глаза, чтобы видеть этот чудесный мир, в нас жило нечто, что заставляло нас делать то, чего мы не желали. И чем дольше оно было в нас, тем больше, тем сильнее ярость, тем больше хочется рвать все на своем пути. И это же, вложенное в нас, принуждало нас делать то, что приказывал ОН. А потом пришел истинный хозяин, и освободил нас. Боль ушла, а ярость осталась. Нужно время, чтобы и она ушла. Много времени».

– Интересно, – сказала Дани, – очень интересно. Но сейчас-то тебе уже лучше? Не хочется разрывать на части всех, кого видишь?

«Намного лучше. Намного легче».

«Жаль, что я ничего не знаю о механоидах, – подумала Дани, – как жаль, что Аламар не успел ничего рассказать. Возможно, тогда я бы поняла, что же с ними делать, чтоб всем было хорошо».

– Мне нужно идти, Розетта. Будь добра, веди себя прилично...

Внезапно механоид насторожил острые уши, подобрал под себя лапы.

– Что? что случилось?

И в этот миг в дверь постучали.

«Снова Кио. Или Рой вернулся?»

Дани отворила дверь и не смогла сдержать изумленного возгласа.

– Эльвин! Как ты меня нашел?

Эльвин Лаверн, как всегда, выглядел безукоризненно. Белоснежная рубашка с драгоценной булавкой, темно-синий сюртук, оттеняющий яркий голубой цвет глаз, волосы причесаны волосок к волоску, вьются кольцами на воротнике.

Он снял шляпу, чуть заметно поклонился.

– Здравствуй, Данивьен. Я могу войти?

– Да, конечно! – она шагнула назад, давая дорогу.

«Не трогай его, Розетта. Это мой друг, единственный настоящий друг в этом мире».

Эльвин кивнул, переступил порог и быстро огляделся. Его взгляд мазнул по механоиду, как будто не было ровным счетом ничего удивительного в том, что у вдовы верховного инквизитора рядом с камином разлегся чудовищный механический тигр.

– Они будут к тебе тянуться, Дани, – заметил он, – это часть твоего Дара.

– Эта та часть, которую я хотя бы понимаю, – она усмехнулась, – Аламар, к сожалению, не успел мне рассказать, что к чему...

– Да... это так...

Эльвин остановился перед ней, окинул придиричивым и как будто оценивающим взглядом.

– Я был в особняке. Кио сказал, что ты от них ушла.

– А Ньями тебе не сказала, что сама же меня и выгоняла?

– Ты могла не слушать вопли старухи, – сухо сказал Эльвин, – ты хозяйка, Данивьен Ардо Нирс. Это ты их могла выгнать... Но я пришел не за этим.

– Хорошо, что ты зашел, – не удержавшись, Дани взяла его за руку и поразилась тому, какой холодной она оказалась, – но ты знай, что у меня все в порядке. Я уже нашла работу, Эльвин. Не тяжелую, помогать в магазине. Так что у меня будут деньги, и будет еда...

Мужчина поморщился, как будто ему было больно.

– Что за чушь ты говоришь, Дани! Будут у тебя деньги, как же! Да у тебя денег столько, что ты можешь купить полгорода и даже не заметить этого.

– Это не мои деньги, и мне столько не нужно, – Дани внимательно наблюдала за Эльвином. Что-то было с ним не так. Вроде бы все в порядке, но такое ощущение, что он очень сильно нервничает. С чего бы?

Внезапно Эльвин стиснул ее пальцы и, наклонившись, прошептал на ухо.

– Дани, милая, у меня хорошие новости. Я разыскал Аламара, и он просил, чтобы я тебя к нему отвел.

В горле как будто застрял горький комок.

– Он... жив? – она не узнала собственный голос, – скажи, Эльвин, он правда жив?! О, Всеблагий, ты не представляешь, как я рада!

– Жив, жив, – пробормотал Эльвин, – идем скорее, пока народу мало на улицах. У нас нет времени, Данивьен.

– Да, идем!

Она подхватила шубку и поспешила за Эльвином. Перед глазами все прыгало и кружилось. Аламар жив! Жив!!! И они теперь уж точно будут вместе, и все наладится. Обязательно.

«И я буду любить тебя, ты ведь достоин этого... я точно знаю...»

Дани едва осознавала, что Эльвин тащит ее куда-то за собой.

– Скажи, что с ним? Он... ранен?

– Был ранен, я вылечил, – Эльвин даже не смотрел на нее, торопился так, что дыхание сбилось.

– Почему же он сам не пришел?

– Слишком опасно. Ты ведь должна понимать, что принц Ксеон... который нынче его величество Ксеон, не простил тот ошейник и пребывание в замке Энц.

– Ох, да... – прикусила губу, понимая, что разговор сейчас свернет не в то русло.

– А что с королем Маттиасом?

– Погиб, – Эльвин презрительно хмыкнул, – механоиды разорвали его в клочья.

– А принц Шедар? Такой милый мальчик...

– Насколько мне известно, отбыл вчера в замок Энц со всеми почестями и предосторожностями.

– Это же его брат, – прошептала Дани.

– Это такой же претендент на престол, как и Ксеон. Те, кто сидят на троне, никогда не бывают чистенькими, Дани. Ты большая девочка, должна уж понимать...

– Прости. – Она уцепилась за рукав сюртука, – прости, Эльвин, миленький... Всеблагий, как я рада, что Аламар жив! Спасибо тебе, что вылечил его, спасибо!

Мелькали мимо какие-то улицы, какие-то дома. Дани окончательно потерялась, да и не думала о том, куда ее ведет Эльвин. Ведь главное, что они шли к Аламару! А там... он что-нибудь придумает. Они вместе придумают.

– Сюда, – Эльвин, оглядевшись по сторонам, быстро завел ее в большой каменный дом. Внутри царил тишина, и было холодно, как будто никто там не жил.

Потом они поднялись по скрипучей лестнице, на миг задержались у высоких резных дверей с облупившейся краской.

– Дани, – начал было Эльвин, но осекся. Прощедил решительно, – идем.

Дани вдохнула поглубже и зажмурилась.

Когда открыла глаза, то увидела, что находится в просторном зале, совершенно пустом. Если когда-нибудь мебель и была здесь, то ее вывезли. Паркет кое-где вспучился волнами от сырости. У дальнего окна, купаясь в мягком свете утра, стоял человек.

Мысль, болезненная, горькая, заставила ее застыть.

«Это не Аламар!»

Она посмотрела на Эльвина, но тот отвел глаза, крепко сжал ее руку и протащил вперед на несколько шагов. Дани вырвалась. И как будто издалека услышала:

– Ваше величество. Я, как и обещал, привел вам вдову Аламара Нирса.

Это был наихудший из всех возможных кошмаров. Забыв, как дышать, Дани обмерла от ужаса и смотрела, как медленно оборачивается к ней принц... вернее, король Ксеон.

Холеный и донельзя довольный происходящим.

Она все же нашла в себе силы обернуться и взглянуть прямо в глаза Эльвину.

– Как ты мог? – прошептала одними губами, – Зачем это тебе? Я не понимаю...

– Я всегда был предан его величеству Ксеону, – Лаверн улыбнулся одними губами, а в глазах – лед, и непонятная боль.

– Госпожа Нирс! – Ксеон сделал несколько шагов навстречу, – я соболезную вашему горю. Какая потеря для всех нас!

Дани сглотнула. Перед глазами отплясывали серые тени. А еще резко затошнило, так что пришлось дышать глубоко и часто.

«Нет-нет-нет. Пусть это будет только сон. Только... сон...»

Она смотрела на Ксеона и вяло удивлялась тому, как мог-

ло ей нравится это лицо, с которого не сходит выражение самодовольства. Как ей могли нравиться его изнеженные руки с такими мягкими пальцами. И запах его одеколona... казался просто невыносимым.

– Госпожа Нирс? – озадаченно спросил Ксеон, всматриваясь в ее лицо, – вам плохо?.. Темнейший... Белочка?!!

Глава 4. Сердце госпожи

Да, это была она. Вне всяких сомнений. Девчонка, которую он использовал, и которая должна была умереть на месте, испепеленная наложенным на ошейник заклинанием.

Но Дани загадочным образом выжила, и этот факт вновь разбудил притихшее было ощущение того, что вовсе не он вершит свою судьбу, а только продолжает плыть по течению.

Один взгляд в сторону Эльвина. Почему не сказал сразу? Отчего утаил, что Аламар женился на нищей служанке? А если и женился, то почему? Что такого разглядел в Белочке верховный инквизитор, что решился на столь вопиющий мезальянс?

Молчание затягивалось, и Ксеон сообразил, что должен что-то сказать. Девушка спокойно стояла в двух шагах от него, немного бледная, но вместе с тем невероятно милая в пушистой шубке, с прической из кос. Выпущенные темные локоны обрамляли чистое личико, и взгляд из-под ресниц казался мягким, бархатным.

Ксеон поймал себя на том, что ему хочется прикоснуться к бледной фарфоровой щеке, провести подушечками пальцев по тонким, но густым дугам бровей, ощутить прикосновение шелка темных волос...

«А у Аламара губа не дура, – подумал он, – и плевать на чистоту крови и генеалогическое древо, когда в твоей по-

стели такая куколка. Темнейший! Вот что значит, приодеть женщину. Была замарашка, стала леди. А без одежды наверняка еще лучше».

Взгляд помимо воли скользнул ниже, к небольшой груди Дани, затем ниже, к тонкой талии. Из-под расстегнутой шубки виден блестящий шелковый поясок, под грудью завязанный небрежным бантиком. Интересно, какая она там, под тряпками? Нежная и гладкая? Или наоборот, костлявая? А кожа? Такая же фарфоровая?

– Я не ожидал тебя увидеть, Дани, – наконец выдавил Ксеон, – я полагал, что...

– Что я умерла? – выдохнула она, – нет, ваше... величество. Всеблагий милостив ко мне.

– Нет-нет, ты не должна была умереть, – быстро соврал он, – но ты... жена верховного инквизитора... это выглядит более, чем странно, тебе не кажется?

– Я не навязывалась в жены мастеру Нирсу, – с достоинством ответила Дани, – это было его, и только его решение.

– Но он мертв, к моему глубочайшему сожалению, – сказал Ксеон.

Он внимательно наблюдал за своей Белочкой. Сам не знал, что ищет в ее лице – сомнение ли, неприязнь ли к Аламару, растерянность?

Ничего. Ее лицо было спокойно, как гладь озера в безветренную погоду. Что она там успела сказать Эльвину, когда он только поворачивался к ним? Он обязательно узнает, чуть

позже.

– Да, мертв, – эхом повторила она, безмятежно глядя куда-то сквозь окно, Ксеону за спину.

Он заставил себя встряхнуться, энергично потер ладони. Мерзли пальцы, кисти рук, и это раздражало. Как будто в теле не хватает тепла, чтобы противостоять сырости и холоду...

Впрочем, все это мелочи, он согреется во вдорце. Главное, что Эльвин привел жену Аламара, это еще один козырь в рукаве, чтобы окончательно добить противника. Теперь бы не спугнуть ее. Белочки, они ведь пугливые...

И в то же время... Он ведь помнил, как она шепнула – люблю. Еще никто и никогда не говорил Ксеону ничего подобного, и эти слова почему-то выделяли замарашку из длинной череды роскошных и холодных, словно мраморные статуи, дворцовых шлюх.

Возможно, брак с Аламаром и не был ей приятен? И, возможно, ее чувства к сбежавшему принцу все еще живы?

– Дани, – энергично произнес Ксеон, – коль скоро твой супруг погиб, я беру тебя под свою опеку. Ты переезжаешь во дворец...

– В качестве кого? – быстрый взгляд из-под ресниц.

– Гхм. В качестве моей почетной гостьи.

– Но у меня есть дом, ваше величество.

– В особняк Аламара Нирса ты больше не вернешься.

Нечего тебе делать в этом склепе, – обрубил он.

– Собственный дом, – уточнила Дани, – мой муж... купил его мне незадолго до гибели. Там, правда, требуется ремонт...

Ксеон махнул рукой, соглашаясь.

– Хорошо, очень хорошо. Поживешь во дворце, а тем временем начнем ремонтировать твой дом, если тебе так угодно. Моя наипервейшая задача – позаботиться о тебе, Дани, чтобы ты, как вдова верховного инквизитора, ни в чем не нуждалась. Да и потом, к чему молодой женщине жить в уединении? Во дворце будет весело. Клянусь, ты не пожалеешь.

– Спасибо, ваше величество, – едва слышно прошептала она, приседая в элегантном поклоне.

– Я заинтригован, – он снова потер руки, – откуда ты, Дани? Ты выглядела на острове как замарашка, а теперь ведешь себя как знатная дама. Это Аламар столь благотворно на тебя повлиял?

Губы Дани тронула слабая улыбка.

– Конечно, ваше величество. Он приложил некоторые усилия, чтобы я постигла хотя бы часть придворного этикета.

– Ну и замечательно, – бодро заметил Ксеон, – впрочем, у меня времени в обрез. Сейчас подадут карету, и мы поедем во дворец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.